

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР



ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1986

6

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1986

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР
И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ,
акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР
Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР /М. К. НУРМУХА-
МЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР
Х. Т. ТУРСУНОВ, чл.-кор. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМА-
НОВ, чл.-кор. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН
УзССР А. А. АСКАРОВ, чл.-кор. АН УзССР М. А. АХУ-
НОВА, чл.-кор. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, чл.-кор. АН
УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР В. В. КИМ,
чл.-кор. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, чл.-кор. АН УзССР
Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН
УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, чл.-кор. АН УзССР
Ш. З. УРАЗАЕВ, чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛА-
ЕВ, чл.-кор. АН УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор филол.
наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН
(*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХА-
МЕДЖАНОВ, доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ,
Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83*

Редактор *И. А. Маркиан*
Технический редактор *Г. Науменко*

Сдано в набор 10.07.86. Подписано к печати 30.07.86. P01156. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,90. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1134. Заказ 156. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР. 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

©Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1986 г.

Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь

Х. Р. РАХМАНКУЛОВ

**О ФУНКЦИЯХ ПРАВА В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Решениями XXVII съезда КПСС четко определен курс партии на всемерное ускорение социально-экономического развития страны в целях всестороннего совершенствования нашего социалистического общественного строя. Это, как отмечено в Политическом докладе ЦК съезду, — «ключ ко всем нашим проблемам: ближайшим и перспективным, экономическим и социальным, политическим и идеологическим, внутренним и внешним»¹. В этой связи М. С. Горбачев указал, что многогранные задачи ускорения, его взаимосвязанные аспекты нуждаются в дальнейшем всеобъемлющем анализе представителями ряда отраслей науки — экономической, философской, юридической и др.

Решения XXVII съезда КПСС требуют более глубокого изучения и познания объективных законов развития сложившейся системы социалистических общественных отношений в интересах усиления научных основ руководства развитием общества. Весьма важное значение имеют и исследования закономерностей воздействия права на ускорение социально-экономического развития страны.

Марксизм-ленинизм учит, что право объективно обусловлено экономическим базисом, ибо, как писал К. Маркс, «правовые отношения, так же точно, как и формы государства, коренятся в материальных жизненных отношениях»². Вместе с тем право оказывает активное воздействие на экономический базис. Экономические отношения, опосредствованные правовой формой, развиваются не только в соответствии с присущими им законами, но и испытывают воздействие правовых средств. Как подчеркивал К. Маркс, общественное производство не может обходиться без подчинения действий участвующих в нем лиц определенным правилам, нормам поведения; «урегулированность и порядок является именно формой общественного упрочения данного способа производства»³.

Подчинение воли участников экономических отношений определенным правилам поведения — объективно необходимое требование в условиях социалистического способа производства. При этом роль права как надстроечной категории особо проявляется в процессе выполнения им своей функции регулятора общественных отношений. Не случайно В. И. Ленин, рассматривая социальную функцию права при социализме, оценивал его как регулятор (определиватель) распределения продуктов и труда между членами общества⁴.

В материалах XXVII съезда КПСС обращается особое внимание на необходимость усиления функции права как регулятора общественных отношений. Это наглядно видно из указаний М. С. Горбачева о том, что «наше законодательство — гражданское и трудовое, финансовое и административное, хозяйственное и уголовное — должно еще активнее помогать внедрению экономических методов управления,

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 22.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6.

³ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 356.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 94.

действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости»⁵.

Внедрение экономических методов непосредственно связано с задачами ускорения социально-экономического развития страны. Активная регулятивная функция права в данном случае заключается в закреплении соответствующих правил поведения по внедрению, использованию таких экономических категорий, как стоимость, себестоимость, прибыль, кредит, хозрасчет, таких экономических стимулов, как материальное поощрение, оценка деятельности предприятий, организаций по конечному результату и т. д.

Рекомендуя применение тех или иных правовых форм экономических отношений, Коммунистическая партия исходит из теоретических положений о том, что характер этих форм определяется и диктуется особенностями материальных отношений общества⁶. Социалистический способ производства и распределения материальных благ, применение в социалистическом обществе свойственных ему экономических законов предопределяют сущность и значение правовых форм регулирования общественных отношений в целом и экономических отношений, в частности. Социалистический, общественный характер собственности позволяет Советскому государству не только непосредственно активно участвовать в хозяйственной деятельности, но и принимать, как орган политической власти, нормативные акты, направленные на совершенствование форм и методов регулирования экономических отношений, подводя под них прочную, строго научную правовую основу.

Совершенствование воздействия правовых средств на развитие экономических отношений на всех этапах социалистического строительства выступало одной из важных задач Коммунистической партии. Особое значение приобрело оно сейчас, в свете решений XXVII съезда КПСС, потребовавшего серьезного улучшения управления экономикой, совершенствования планирования, организационной структуры, хозяйственного механизма в целом. При этом указывается на необходимость расширения прав и обязанностей предприятий и организаций, укрепления их самостоятельности, ответственности и т. д.

Тесное взаимоотношение экономики и права как постоянно действующий объективный процесс проявляется в противоречии между первой как базисом и вторым — как надстроечным явлением. Данное противоречие, будучи по своему характеру диалектическим, обусловлено взаимодействием производительных сил и производственных отношений. Оно стимулирует развитие права, совершенствование его воздействия на экономические отношения.

В Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС указано на «неостоятельность представлений, согласно которым в социалистических условиях соответствие производственных отношений характеру производительных сил обеспечивается как бы автоматически»⁷. Социалистические производственные отношения открывают простор развитию производительных сил. Но для этого они должны постоянно совершенствоваться. А это значит, что нужно вовремя замечать устаревшие методы хозяйствования и заменять их новыми путем использования правовых средств.

Производственные отношения, сложившиеся в прошлом, в условиях экстенсивного развития экономики, перестали оказывать должное влияние на состояние правовых институтов, их развитие. Посредством правовых норм по сути дела обеспечивалось закрепление утративших свою стимулирующую роль форм и методов управления, планирования, организации хозяйственной деятельности.

Коммунистическая партия ставит ныне задачу изменить направленность хозяйственного механизма, нацелить на повышение качества

⁵ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 61.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 94.

⁷ Материалы XXVII съезда КПСС, С. 38.

и эффективности, ускорение научно-технического прогресса, усиление роли человеческого фактора. На деле это будет означать дальнейшее совершенствование производственных отношений и откроет новый простор развитию производительных сил.

Совершенствование производственных отношений связано с совершенствованием адекватных им правовых отношений. Это, в свою очередь, потребует улучшения качества, разработки и принятия новых законодательных актов, на необходимость которых в области социалистического хозяйствования было обращено особое внимание на XXVII съезде КПСС, последующих заседаниях Политбюро ЦК КПСС.

Как известно, в праве находят свое закрепление общие, многократно повторяющиеся, признанные государством правила поведения. В этом отношении право существует относительно стабильно по сравнению с динамикой экономического развития. К. Маркс утверждал, что «право... санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения...»⁸

Однако бурное развитие производительных сил и вместе с тем социалистических производственных отношений служит объективной причиной того, что не все стороны этих отношений своевременно учитываются и подвергаются правовой регламентации. Это нередко создает препятствия в системе управления и планового руководства хозяйством, а иногда приводит к проявлениям волюнтаризма при решении экономических вопросов. Как отмечалось на майском (1982) Пленуме ЦК КПСС, сложившаяся система управления оказалась излишне громоздкой и разобщенной, что привело к серьезным недостаткам в планировании, материально-техническом снабжении, проведении специализации и рационального размещения производства в сельском хозяйстве, в управлении деятельностью предприятий сельского хозяйства, где усилилось администрирование в ущерб экономическим методам. Говоря о тех сложностях, которые препятствуют введению новых экономических форм и методов хозяйствования, М. С. Горбачев указал, что надо отказаться от того, что устарело, изжило себя, в целях «создания нового хозяйственного механизма, всей системы управления».

Право — необходимое средство (рычаг, инструмент) обеспечения высокой действенности хозяйственного механизма. На какие же элементы его следует обратить особое внимание юридической науки?

Это, во-первых, организационная структура и функции органов управления, принципы руководства, методы и стиль работы хозяйственных органов;

во-вторых, формы и методы планирования как центрального звена управления экономикой, система плановых показателей (по экономии, эффективности, качеству, внедрению достижений научно-технического прогресса);

в-третьих, система хозяйственных связей (договоров), охватывающая движение общественного продукта между производителями и потребителями в условиях специализации и кооперирования, межотраслевой интеграции и т. д.;

в-четвертых, система экономических рычагов и стимулов, обеспечивающая взаимосвязь индивидуальных, коллективных и общественных интересов;

в-пятых, механизм взаимной ответственности за допускаемые нарушения, способов и средств защиты интересов объединений и предприятий.

Практически все названные элементы структуры хозяйственного механизма, урегулированные нормами права, должны работать на повышение эффективности производства, качества работы и осуществление режима экономии.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, С. 311.

Один из аспектов совершенствования хозяйственного механизма — необходимость утверждения на всех участках хозяйственной, производственной деятельности двух тесно взаимосвязанных начал — большей самостоятельности и большей ответственности. Это связано с дальнейшим использованием экономических методов управления, внедрением принципа хозрасчета, укреплением хозяйственной самостоятельности предприятий, объединений, повышением их имущественной ответственности за результаты своей деятельности, все более широким применением договорной формы регулирования экономических отношений. В Политическом докладе ЦК перед Госнабом ставится задача «активно способствовать установлению прямых длительных связей между производителями и потребителями на договорной основе, укреплению дисциплины поставок»⁹.

Применение договора как юридической формы экономических отношений обусловлено самим характером этих отношений, устанавливаемых на эквивалентно-возмездных началах в соответствии с волеизъявлением их равноправных участников. Договор на данном этапе развития экономики выполняет важную функцию как основание возникновения обязательств между социалистическими организациями. Задачи повышения самостоятельности производственных предприятий, объединений требуют еще более широкого применения договора как правовой формы имущественных отношений в сфере социалистического хозяйствования.

В системе хозяйственного механизма особое место занимают организационная структура и компетенция органов управления. При этом речь идет не о механическом сохранении или внесении частичных изменений в существующую структуру управления, а о ее радикальной реформе. Смысл ее заключается в том, чтобы нацелить управление на повышение эффективности и качества, ускорение научно-технического прогресса, развитие заинтересованности работников в результатах труда, инициативы и социалистической предприимчивости в каждом звене народного хозяйства, прежде всего в трудовом коллективе. Все это предъявляет особые требования к правовой науке, ибо определение и уточнение подведомственности, компетенции и функций новых структурных образований в системе управления невозможны без участия правовых средств.

Задачи ускорения социально-экономического развития страны должны служить отправной предпосылкой определения направлений развития правовой науки. С учетом тенденций развития производительных сил и производственных отношений она должна выявлять и правильно определять соотношение экономики и права, анализировать степень соответствия действующих правовых норм экономическим отношениям, своевременно реагировать на экономическую политику партии и государства и подсказывать практике оптимальный вариант реализации этой политики с помощью правовых средств, раскрывать обстоятельства, препятствующие экономическому развитию, и вносить научно обоснованные предложения по их преодолению, повышению роли права как активного надстроечного средства воздействия на развитие экономики.

Известно, что противоречия существуют не только между экономикой и правом, т. е. между базисом и его надстройкой, но и в самой надстройке, т. е. между правом и правовым сознанием. Здесь проявляется диалектическое противоречие между объективированной волей государства, выраженной в законе, и сознанием, нравственными качествами лиц, призванных в соответствии с требованиями закона действовать или воздержаться от совершения определенных действий.

Понятиям права и правосознания соответствуют закон и законность, однако с той лишь разницей, что если первый является общим,

⁹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 35.

т. е. применим ко всем проявлениям правотворчества и правовых отношений, то вторая предполагает наличие действующего закона, требования, предъявляемые к его соблюдению, состоянию правопорядка в обществе.

Наличие закона зависит от потребности общественных отношений, следовательно, от воли государства и деятельности законодательного органа, а законность, т. е. соблюдение требований закона, — от сознательности членов общества, от деятельности органов государственной власти и управления, а также множества других факторов материального и нравственного порядка.

Как отмечал М. С. Горбачев, образцы сознательного отношения к труду, социалистической собственности у нас еще соседствуют с расхлябанностью, бесхозяйственностью, стремлением части людей устроить свое благополучие за счет других, за счет общества, используя с выгодой для себя нехватку отдельных потребительских товаров, недостатки системы контроля за мерой труда и мерой потребления. Это — следствие существующих в определенной степени различий в уровне социалистической зрелости общества, в степени реализации норм нравственности, социальной справедливости и социалистической законности.

Социалистическая законность охватывает все стороны государственной, хозяйственной и культурной жизни страны. Дальнейшее укрепление социалистической законности в сфере хозяйственно-организаторской деятельности государства — важнейшее условие осуществления намеченных партией задач ускорения социально-экономического развития страны.

Укрепление социалистической законности в области экономических отношений на данном этапе обуславливается дальнейшей активизацией внедрения экономических методов регулирования хозяйственной деятельности, предоставлением предприятиям, объединениям большей самостоятельности (т. е. прав) и возложением на них большей ответственности за ведение хозяйственной деятельности. В. И. Ленин указывал: «Чем больше мы входим в условия... твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...»¹⁰

Сложность хозяйственно-организаторских задач в условиях ускорения социально-экономического развития, предоставление хозяйственным организациям широких прав в осуществлении производственно-хозяйственной деятельности требуют дальнейшего укрепления социалистической законности в области управления, планирования, заключения хозяйственных договоров и т. д.

Практическая задача правовой науки сводится к выработке не только предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства, но и рекомендаций соответствующих методов, средств и путей надлежащей реализации содержащихся в законодательных актах требований. Эту свою задачу наука должна выполнять не только путем разъяснения содержания, классовой сущности и назначения закона, но и путем изучения его применения на практике, в деятельности органов государственной власти и управления, хозяйственных организаций и предприятий, путем выявления недостатков в этой области и внесения обоснованных рекомендаций по их устранению. А там, где сам закон страдает определенными недостатками, т. е. недостаточно точно отражает особенности существующих общественных отношений, наука должна вносить всесторонне аргументированные и обоснованные предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства.

Право не в состоянии эффективно выполнять свои функции регулятора экономических отношений, если имеются противоречия в самом

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 329.

законодательстве. Противоречия эти, вызванные прежде всего причинами субъективного порядка, проявляются не только в формах, но и в самом содержании законодательства, что осложняет задачи правового регулирования конкретных экономических отношений. Скажем, только по вопросам планирования действует около 1,5 тыс. порой не согласованных между собой и содержащих противоречивые правила нормативных актов, из которых 300 посвящены общим вопросам планирования. Такое ненормальное положение в законодательной деятельности не способствует эффективному выполнению правом своей функции в условиях ускорения социально-экономического развития. Основные принципы, правила и требования, предъявляемые к планированию народного хозяйства, должны быть приведены в стройную систему путем принятия единого закона о планировании. На подобного рода недостатки в области законодательства — и не только по вопросам планирования, но и хозяйственной деятельности в целом — было обращено внимание на апрельском (1985) Пленуме ЦК КПСС. Нельзя признать нормальным, когда по одним и тем же вопросам существует множество правовых актов, которые нередко дублируют или противоречат друг другу, устанавливают необоснованные ограничения и мелочное регламентирование, стесняющие инициативу хозяйственных организаций. Имеются нормативные акты, которыми предусматриваются различные по форме и размерам меры ответственности за один и тот же вид правонарушений, допускаются отступления от принципа ответственности за вину в области хозяйственных отношений. Все это требует унификации законодательства и приведения его в стройную научно обоснованную систему.

Обеспечение логической последовательности и согласованности правовых норм — одна из важных задач правовой науки. Ф. Энгельс писал: «...Право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением, внутренне согласованным, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий...»¹¹

Экономические отношения в своем развитии отличаются общими закономерностями и вместе с тем, с учетом сферы и вида деятельности (промышленность, сельское хозяйство, капитальное строительство, транспорт и т. д.), — известной спецификой. В зависимости от этого следует определять и подход к изучению правовых явлений, к установлению стройной системы правовых актов. При этом надо помочь практике избегать тех негативных явлений в правовом регулировании, которые имеются в определении структуры и полномочий органов хозяйственного руководства. В нормативных актах полномочия каждого хозяйственного органа должны быть строго определены конкретным кругом прав и обязанностей. Несоблюдение этого требования отражается на эффективности самих правовых актов.

Право в состоянии выполнить свою функцию регулятора, если его нормы достаточно точно отражают отношения, сложившиеся в сфере социалистического хозяйствования, если эти отношения оптимально схвачены нормами права, которые, в свою очередь, составляют стройную систему законодательных актов.

Экономическая политика Коммунистической партии реализуется посредством важнейших правовых актов Советского государства. В этом смысле право составляет по сути политическую меру, направленную на осуществление экономических мероприятий партии. Характеризуя экономическую политику партии и государства, В. И. Ленин указывал, что «хозяйственное дело — наше общее дело. Это самая для нас интересная политика»¹². Сложнейшие экономические задачи, которые предстоит решать в XII пятилетке и в период до 2000 г.,

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 330.

предъявляют все более высокие требования к правовым средствам, повышению их роли в народном хозяйстве и надлежащему их исполнению в интересах всемерного ускорения социально-экономического развития страны.

А. А. АХТАМОВ, Ф. С. СОЛИЕВА

РОЛЬ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

В исторических документах XXVII съезда партии, решениях июньского (1986) Пленума ЦК КПСС четко определена «установка на ускорение социально-экономического развития нашего общества»¹. Принятая партией программа ускорения, интенсификации многогранного, всестороннего совершенствования социалистического общества предполагает необходимость духовно-нравственной перестройки всех членов общества, воспитания у них стремления и умения мыслить, работать и жить по-новому, неуклонно повышать свою трудовую и общественно-политическую активность, творческую инициативу.

Как сказано в Обращении ЦК КПСС к трудящимся Советского Союза, «воплотить в жизнь намеченные планы можно лишь напряженным трудом всех советских людей»². Отсюда особая значимость повышения роли человеческого фактора, что подчеркивается во всех документах XXVII съезда КПСС.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на октябрьском (1985) Пленуме ЦК КПСС также указывалось, что «только через хорошо продуманную экономическую стратегию, сильную социальную политику и целеустремленную идейно-воспитательную работу, взятые в их неразрывном единстве, можно активизировать человеческий фактор, без которого не может быть решена ни одна из выдвинутых задач»³.

Важное значение в этой связи приобретает усиление классового, патриотического, интернационалистского воспитания трудящихся, осуществляемого в тесном сочетании с трудовым, что служит мощным ускорителем и социально-экономического развития общества, и духовного роста личности советского человека, оказывает стимулирующее воздействие на активность его жизненной позиции.

Воспитание интернационалистских качеств и установок личности не идет самотеком. Это — руководимый и направляемый Коммунистической партией научно обоснованный процесс формирования интернационалистского сознания и интернационалистской ответственности каждого труженика. Интернациональное воспитание — одна из важнейших задач формирования нового человека⁴.

Огромную роль в этом процессе призваны играть трудовые коллективы, выступающие важным звеном политической системы советского общества (ст. 8 Конституции СССР). Новая редакция Программы КПСС подчеркивает, что «в социальной структуре советского общества возрастает роль трудовых коллективов. Партия стремится всемерно содействовать тому, чтобы каждый трудовой коллектив становился действенной социальной ячейкой социалистического самоуправления народа... Она считает необходимым целенаправленно усиливать влияние трудовых коллективов на все сферы жизни общества, расширять их права и одновременно повышать их ответственность за решение конкретных задач экономического, социального и культурного развития»⁵.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 5.

² Правда. 1986. 18 июня.

³ Правда. 1985. 16 окт.

⁴ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 163—165 и др.

⁵ Там же. С. 156.

Трудовой коллектив самым непосредственным образом связан с главным фактором ускорения — человеческим фактором. Он объединяет, сплачивает трудящихся и, кроме чисто производственных, выполняет еще и социальные функции, в силу чего и оказывает на общественные процессы самое непосредственное влияние.

Анализ развивающихся в нашем обществе прогрессивных процессов и тенденций показывает, что объективной закономерностью является интернационализация духовной жизни трудящихся. Этот процесс обусловлен прежде всего тем, что в ходе революционного обновления общества, создания новой исторической общности людей — советского народа — менялся сам человек, его моральный и духовный облик. Личность социалистического типа в качестве члена интернациональной общности людей и активного субъекта коллективистского образа жизни стала полнее воплощать в себе интернационалистскую сущность советского общества и соответствующим образом формировать свои взгляды, убеждения, способности, запросы, стереотипы поведения, привычки, традиции, в интегрированной форме воспринимать все ценности духовного мира.

На интернационализацию духовной жизни личности оказывают влияние прежде всего само участие в коллективном общественно полезном труде, характер труда в условиях единого народнохозяйственного комплекса. Для социалистического общества показателем неуклонный рост многонациональных трудовых коллективов. В Узбекистане, как и в любой советской республике, нет ни одного производственного коллектива, который не был бы многонациональным. Так, в Самарканде, на заводе «Красный двигатель» им. В. И. Ленина работают представители 22 национальностей, на фабрике «Труд женщин» — 16, заводе «Кинап» — 26, в производственно-швейном объединении им. 8 Марта — 30 национальностей и т. д. Эти и иные коллективы поддерживают самые тесные взаимоотношения и дружеские связи со многими коллективами страны. Например, Самаркандское производственно-швейное объединение им. 8 Марта ежегодно заключает договоры с Балашовским комбинатом плюшевых тканей, с Московским ГУМом и другими коллективами. Те же процессы происходят и на селе.

Трудящиеся советских республик производят продукцию в основном совместными усилиями, и поэтому все, что создается в стране, — плод общего труда. К примеру, если составить «родословную» обыкновенной хлопковой коробочки, выращиваемой на полях Узбекистана, окажется, что в ее создании воплощен труд машиностроителей Владимира и Урала, нефтяников Баку и др. Объективные потребности развития народного хозяйства требуют дальнейшего усиления прогрессивных тенденций в этой сфере, а значит, выдвигают новые требования к интернациональному воспитанию.

Отличной школой интернационалистской закалки является сама жизнь многонационального трудового коллектива. Именно в таком коллективе начала свою трудовую биографию одна из первых зачинательниц «почина пятнадцати» в нашей республике, принявших обязательство досрочно выполнить пятилетние задания, делегат XXVI съезда КПСС, депутат областного Совета, передовая работница Самаркандской коврово-художественной фабрики «Труд женщин» Салима Лукманова. В многонациональном коллективе она выросла и окрепла духовно, прекрасно овладела навыками мастерства, возглавила бригаду, снискала всеобщее признание. Именно в интернациональном коллективе она обрела навыки пропагандистского мастерства, хорошо овладела средством межнационального общения — русским языком, часто выступает перед рабочими своего коллектива, по республиканскому радио и телевидению, делится опытом работы со своими коллегами. В ее бригаде трудятся представительницы 6 национальностей, все они дружат между собой и это помогает им в работе,

позволяет добиться значительных успехов в интенсификации производства.

Приобретенный в трудовом коллективе личный опыт совместной работы с представителями разных национальностей и в дальнейшем помогает выработке у каждого его члена культуры межнационального общения. Примечательно, что в трудовых коллективах почти исключены конфликты на почве национальных предрассудков. Напротив, члены таких коллективов в ходе совместной работы сближаются духовно, чувствуют ответственность не только друг перед другом, но и за весь коллектив в целом. Проведенный нами опрос среди работниц коврово-художественной фабрики «Труд женщин» показал, что каждая из них хорошо сознает патриотический и интернационалистский характер своей деятельности. На вопрос: «Какими Вы желаете видеть результаты своего труда?»—85% опрошенных ответили: «Нести радость и красоту в каждый дом». Аналогичный ответ мы получили от работников трикотажной фабрики, швейного объединения «Мехнат». Это свидетельствует о том, что трудовой коллектив является главной сферой формирования интернационалистского сознания трудящихся, все стороны его многогранной деятельности оказывают решающее воздействие на формирование интернационалистской личности.

В коллективе Джамбайского комбината хлебопродуктов, который считается одним из передовых в районе, бок о бок трудятся представители 10 национальностей. Царящий здесь здоровый морально-психологический климат способствует тому, что каждый труженик чувствует себя хозяином, активно участвует в управлении производством и общественных делах. Не случайно коллектив комбината, настойчиво добиваясь повышения эффективности производства, улучшения качества продукции, досрочно выполнил задания XI пятилетки.

В этой дружной трудовой семье сформировалась и духовная жизнь передовой работницы Валентины Мустафаевны Камиловой. Ныне она не представляет свою личную жизнь без общественной. Глубоко сознавая личную ответственность за дела своего коллектива, города, района, передовая труженица неизменно перевыполняет задания, часто выступает с рацпредложениями. Коммунисты коллектива единодушно избрали ее делегатом на XXIV районную партийную конференцию; она является также депутатом Самаркандского областного Совета. Так совместный труд в интернациональном коллективе выковывает лучшие духовные качества личности.

Влияние многонационального коллектива благотворно сказалось и на формировании интернационалистских установок и гражданской позиции передовой швей-мотористки трикотажной фабрики им. М. Урунходжаева Зухры Галиевой. Наставницей ее была Валентина Михайловна Резникова. В их бригаде — представители 9 национальностей. Каждая из работниц, выполняя определенную операцию, чувствует ответственность за всех работающих рядом, за весь коллектив. В числе 27 депутатов Самаркандского горсовета З. Галиева выступила инициатором социалистического соревнования тружеников города и области под девизом «XXVII съезду КПСС — 27 ударных декад». Член Снабского райкома партии, делегат XX съезда Компартии Узбекистана З. Галиева систематически давала продукцию сверх плана при высоком качестве. Свое мастерство она охотно передает молодым работницам. Сейчас у нее более 20 учениц — представительниц разных национальностей.

То же самое можно сказать и о литейщике самаркандского завода «Красный двигатель» им. В. И. Ленина Исмае Исламове. Коллектив цеха, в котором он трудится, состоит из рабочих 7 национальностей. Крепкие узы дружбы связывают их между собой. И это помогает бригаде неизменно перевыполнять плановые задания и социалистические обязательства. У И. Исламова тоже много учеников разных национальностей. Дома у него говорят на русском, узбекском, таджик-

ском языке, готовятся блюда многих национальных кухонь, имеется литература на различных языках. Частыми гостями там бывают не только члены бригады, но и друзья из других республик, которых встречают как самых близких людей.

От степени участия в общем деле строительства нового общества зависят всестороннее развитие и целостность личности. Люди обновляют себя в такой же мере, отмечал К. Маркс, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства⁶. Поэтому анализ интернационализационных процессов необходимо начинать с трудовой деятельности, составляющей основу социалистического образа жизни.

В условиях социализма труд перестает быть только средством для жизни, только обязанностью и личным делом человека. Он становится также деятельностью, в которой работа на себя сливается с работой на общество. Свободный, добросовестный, общественно полезный труд — главная, определяющая черта социалистического образа жизни. В. И. Ленин видел основу социалистического образа жизни в великой смене «труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе...»⁷

При социализме трудовая деятельность обретает качественно новое содержание. Отчетливо обнаруживается, что она перестает быть только средством воспроизводства физического существования индивидов, накопления материального и культурного потенциала общества, но становится способом социальной организации людей, их самоутверждения, условием изменения их социального статуса. Коллективный творческий труд создает наиболее благоприятные условия для проявления людьми своей общественной сущности, всестороннего и гармоничного развития личностных сил каждого труженика, его дарований. «Труд,—говорится в новой редакции Программы КПСС,—основной источник материального и духовного богатства общества, главный критерий социального престижа человека, его священная обязанность, фундамент коммунистического воспитания личности»⁸. Высокие производственные показатели являются результатом нового, интернационалистского сознания трудящихся, они стимулируют их стремление мыслить более широко, по-государственному, охватывая всю сложную цепь материальных и социальных зависимостей развития социалистического общества.

Как показывают материалы социологических исследований, интернационалистские установки советских трудящихся пустили глубокие корни в сфере межнационального общения. И в этом деле огромную роль играет русский язык. Он стал не только средством общения, но и мощным фактором интернационализации духовной жизни трудящихся всех национальностей. Например, в колхозе им. Энгельса Самаркандской области трудятся представители 16 национальностей, и все они общаются между собой посредством русского языка. «Русский язык становится главным во многих наших семьях,—пишет секретарь парткома совхоза «Булунгур» Самаркандской области Б. Маматов.—Это наш интернационализм в действии. Интернационализм помогает нам не только хорошо работать, но и хорошо отдыхать. Разве не интересно, когда на узбекской свадьбе, допустим, танцуют русскую «Барыню», поют татарские песни, а на столах стоят блюда, приготовленные немцами?»⁹

Так многонациональные трудовые коллективы создают стимулы для духовного сближения и родства людей разных национальностей. Это проявляется и в росте числа смешанных браков. Взять, скажем,

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 222.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 197.

⁸ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 164.

⁹ Ленинский путь. 1983. 22 янв.

Джамбайский район. Интернациональные семьи здесь не редкость. Например, секретарь парторганизации райзагса, узбечка Ахмедова Розия вышла замуж за корейца; член колхоза «Октябрь», цыган Хасанов женат на белоруске. В целом, по данным райзагса, за 1973—1983 гг. зарегистрировано 346 смешанных браков, причем если в 1973 г. их было 15, то в 1975 г.—44, а в 1983 г.—56.

Важно отметить, что интернационализация духовной жизни личности в ходе совместной производственной деятельности не происходит автоматически. Опыт многонациональных трудовых коллективов нашей республики свидетельствует, что этому способствуют целенаправленная идейно-воспитательная работа, сеть партийного просвещения, школы экономического образования и коммунистического труда, печать, наглядная агитация и т. д.

Утверждению интернационалистского образа жизни способствует и массовая культурно-просветительная работа. Взять, например, деятельность дворца культуры и техники «Химик» Самаркандского химического завода. По существу это целый культурный комплекс, который учитывает в своей деятельности самые разнообразные интересы, увлечения людей. Большое внимание уделяется пропаганде решений партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз, новой редакции Программы КПСС, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года и т. д. Этому служат и лектории, организуемые прямо в цехах. Часто лекции сопровождаются показом документальных и художественных фильмов. Идут занятия пяти народных университетов: правовых знаний, культуры, здоровья, научно-технического творчества, университета родителей,— которые всячески содействуют росту трудовой, социальной активности и духовному сближению членов многонационального коллектива завода. Широко развита и художественная самодеятельность. В репертуаре кружков — произведения искусств многих народов СССР.

Члены интернациональных коллективов легко и непринужденно перенимают художественно-эстетический опыт друг друга, делятся духовными ценностями. Под влиянием этих факторов интернационализируются быт, духовные потребности трудящихся. Так, в семье рабочего завода «Кинап» Б. Насриева собрана богатая личная библиотека, где наряду с книгами узбекских авторов есть произведения классиков русской, зарубежной литературы, писателей братских республик. Как и в других узбекских семьях, мы видим здесь современную обстановку, одежду, готовятся блюда армянской, русской, азербайджанской и других национальных кухонь.

Таких примеров можно привести очень много.

Вместе с тем в деле интернационалистского воспитания масс партийным, советским, общественным организациям предстоит еще решать весьма сложные и ответственные задачи, четко определенные в документах XXVII съезда партии, а применительно к условиям нашей республики — в решениях XXI съезда КПУз. И в решении этих задач все более активное участие под руководством партийных организаций призваны принимать трудовые коллективы, в процессе многогранной жизни и деятельности которых формируется личность активного, сознательного строителя коммунизма — патриота, коллективиста, интернационалиста.

А. А. Ахтамов, Ф. С. Солиева

СОВЕТ ХАЛҚИ МАЪНАВИЙ ҲАЁТИНИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЛАШТИРИШДА МЕҲНАТ КОЛЛЕКТИВЛАРИНИНГ РОЛИ

Мақолада Ўзбекистон бўйича конкрет материаллар келтириш билан совет халқ маънавий ҳаётини интернационаллаштириш ва шахсини шакллантиришда меҳнат коллективларининг улкан роли очиб берилди.

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА С ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ АФГАНИСТАН НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

В Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что «мировой социализм — мощное международное образование», которое «активно содействует социальному прогрессу»¹. СССР и другие страны социалистического содружества оказывают всемерную поддержку всем народам, борющимся против сил реакции, расизма, империализма, за подлинную национальную независимость, за мир и социальный прогресс.

Как указано в новой редакции Программы КПСС, последовательно проводится линия «на расширение связей Советского Союза с освободившимися странами», причем особое значение придается «солидарности, политическому и экономическому сотрудничеству со странами социалистической ориентации».

Аналогичный курс осуществляют и другие страны социалистического содружества. Это ярко видно на примере их всестороннего сотрудничества с Демократической Республикой Афганистан, против которой силы международного империализма и реакции уже много лет яростно ведут необъявленную войну.

СССР и другие страны социалистического содружества всячески поддерживают усилия правительства и народа ДРА, направленные на защиту своего суверенитета, против вооруженного и любого иного вмешательства во внутренние дела этой страны.

Победа Апрельской революции 1978 г., по словам министра иностранных дел ДРА Ш. Доста, «открыла не только новую, принципиально важную страницу в истории Афганистана, в его внутренней, и прежде всего в социально-экономической политике, но и знаменовала собой исключительно важный сдвиг во внешней политике страны»³. Она подняла на качественно новый уровень и отношения Афганистана с государствами социалистического содружества.

Внешнеполитический курс ДРА базируется на принципах мирного сосуществования, неприсоединения, укрепления дружбы и сотрудничества со странами социалистического содружества, развития взаимовыгодных и равноправных отношений со всеми государствами мира, независимо от их общественного строя. Афганистан выступает за мир и безопасность народов, военную и политическую разрядку, решение спорных проблем за столом переговоров, против политики империализма, гегемонизма и сионизма. Республика поддерживает усилия народов в борьбе с расизмом, апартеидом, остатками колониализма. Эта политика ДРА находит позитивный отклик как в социалистических, так и во многих развивающихся странах. Вместе со странами социалистического содружества ДРА решительно выступает в защиту суверенных прав всех народов, за мир, демократию и социальный прогресс.

В этой связи надо отметить, что современный этап отношений между странами социалистического содружества и ДРА характеризуется не только расширением и углублением традиционных внешнеполитических форм, таких, как дипломатические отношения, переговоры различных делегаций, но и внедрением в практику новых форм, как встречи и переговоры на высшем уровне, контакты и сотрудничество в ООН и других международных организациях, обмен посланиями глав государств и т. д.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 7, 8.

² Там же. С. 174.

³ Дост Ш. М. Внешняя политика Демократической Республики Афганистан // Международная жизнь. М., 1981. № 6. С. 14.

Солитаризируясь с позицией социалистических стран, ДРА высказывается за принятие конкретных мер в области разоружения, за безотлагательное прекращение и запрещение испытаний ядерного оружия, недопущение распространения его в космосе.

ДРА поддерживает заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о прекращении Советским Союзом в одностороннем порядке любых ядерных взрывов, что является важнейшим шагом на пути к полной ликвидации ядерной угрозы⁴.

ДРА и страны социалистического содружества выражают озабоченность размещением новых американских ядерных ракет в Европе и поддерживают борьбу европейских народов за восстановление разрядки на этом континенте. Эти вопросы обсуждались, в частности, во время встречи руководителей ДРА и ЧССР в июне 1981 г. Участники встречи особо отметили значение Мадридского совещания, а также венских переговоров по разоружению и сокращению военных сил в Европе⁵.

Наши страны выражают озабоченность и тем, что доступ к ядерной технологии стремятся получить Израиль и ЮАР — государства, проводящие агрессивный внешнеполитический курс, и призывают ООН принять строгие меры для предотвращения такой возможности⁶.

Учитывая растущую опасность гонки вооружений, ДРА вместе с социалистическими странами активно участвует в совещаниях ООН по разоружению, решительно высказывается за замораживание производства новых видов атомного оружия, за заключение конвенций о предотвращении распространения гонки вооружений на космос и т. д.

Эта позиция ДРА была подтверждена в конституционном документе — «Основных принципах ДРА», где говорится: «ДРА уважает и соблюдает Устав ООН и общепринятые принципы международного права и поддерживает деятельность ООН в укреплении мира и развитии международного сотрудничества»⁷.

В этой связи уместно отметить, что ДРА подписала и ратифицировала следующие международные соглашения по разоружению, предложенные ООН:

— Договор об исследовании космоса, включая Луну и другие планеты, в мирных целях;

— О нераспространении ядерного оружия;

— О запрещении размещения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения на морском дне, в океане и под землей;

— О запрещении развития производства и испытания бактериологического оружия и т. д.⁸

Будучи азиатским государством, ДРА активно выступает за нормализацию обстановки на этом континенте и утверждение принципов добрососедства в отношениях между всеми расположенными здесь странами. Афганистан в этом плане поддерживает многие инициативы стран социалистического содружества по обеспечению мира и безопасности в Азии, в том числе идею превращения в зону мира Индийского океана, где США под предлогом мнимой «советской военной угрозы» усиленно наращивают свой военный потенциал. Как отмечалось на юбилейном заседании ЦК НДПА, посвященном 20-летию Народно-демократической партии Афганистана, «здесь, в сердце Азии, империализм и региональная реакция хотят задушить нашу революцию, взять на прицел Персидский залив, нанести удары по дружественной нам Индии и с помощью внешнего и внутреннего вмешательства во внутрен-

⁴ См.: Известия. 1985. 19 авг.

⁵ White Book. Foreign Policy. Documents of the DRA. DRA Ministry of Foreign Affairs Information and Archives Department. Kabul, 1981. P. 233—241.

⁶ См.: Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. М., 1982. С. 257.

⁷ Fundamental Principles Democratic Republic of Afghanistan. April 20, 21 (1980). Kabul, 1980. Art. 16. P. 7.

⁸ Achievements of the April Revolution in Afghanistan. Kabul, 1984. P. 97.

ние дела миролюбивой Индии, стоящей во главе движения неприсоединения, попытаться изменить ее позицию в свою пользу. Они хотят подготовить нужный им плацдарм для действий, враждебных и Советскому Союзу⁹.

Большую обеспокоенность вызывает в наших странах положение на Ближнем Востоке. Социалистические страны всегда энергично выступали за достижение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке на основе всеобъемлющего урегулирования. Такое урегулирование, по мнению социалистических стран, должно основываться на полном выводе израильских войск со всех оккупированных с 1967 г. арабских территорий и осуществлении законных прав арабского народа Палестины. Эта позиция социалистических стран зафиксирована в многочисленных документах.

ДРА, солидаризируясь с социалистическими странами и по данному вопросу, также поддерживает борьбу арабских народов за освобождение своих земель от израильской оккупации и признает право арабского народа Палестины на создание самостоятельного государства¹⁰.

Социалистические страны и ДРА поддерживают борьбу народов Азии, Африки, Латинской Америки против империализма, неокOLONиализма, расовой дискриминации и апартеида. ДРА совместно с социалистическими странами активно участвует в работе ООН по проблемам деколонизации, поддерживает справедливые требования народов Западной Сахары и Намибии, призывает к немедленному выполнению Декларации о предоставлении независимости странам и народам, еще находящимся под колониальным гнетом¹¹.

ДРА и социалистические страны придерживаются твердых позиций в отношении положения в Восточной и Юго-Восточной Азии, выражая полную солидарность с народами Вьетнама, Лаоса, Кампучии, с курсом КНДР на мирное объединение страны.

ДРА вместе с социалистическими странами выражает озабоченность обострением обстановки в Центральной Америке, осуждает американскую интервенцию на Гренаде, враждебные действия и угрозы США в адрес Кубы, происки американского империализма против Никарагуа как вопиющие нарушения основополагающих принципов международного права, Устава ООН¹². ДРА в союзе с социалистическими странами поддерживает также героическую борьбу народов Чили, Сальвадора и других стран Латинской Америки, которые страдают от господства реакционных фашистско-милитаристских клик¹³.

Большую позитивную работу ведут социалистические страны и ДРА в различных организациях в рамках ООН, как: Международная организация труда, Международная организация гражданской авиации, ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения, Организация по продовольствию и сельскому хозяйству, Международный союз телекоммуникаций, Всемирная организация по метеорологии и др.¹⁴

Социалистические страны и ДРА считают, что в настоящий критический момент, когда человечеству грозит большая опасность из-за безответственной политики империализма во главе с США, роль ООН в деле сохранения мира неизмеримо возрастает. В связи с этим ДРА, как и социалистические страны, всемерно способствует мирному и демократическому решению актуальных международных проблем в рамках ООН, поддерживает все ее усилия в этом направлении¹⁵.

⁹ 20-летие Народно-демократической партии Афганистана: Материалы юбилейного заседания ЦК НДПА, Революционного Совета и Совета Министров ДРА, 10 января 1985 г. Кабул, 1985. С. 37.

¹⁰ Кабул таймс. 1978. 10 июня.

¹¹ Achievements... P. 97.

¹² 20-летие Народно-демократической партии Афганистана... С. 36.

¹³ Дост Ш. М. Указ. статья. С. 19.

¹⁴ Achievements... P. 98.

¹⁵ 20-летие Народно-демократической партии Афганистана... С. 39.

Большую тревогу в странах социалистического содружества и в самом Афганистане вызывает состояние отношений ДРА с Пакистаном и Ираном. Народы Афганистана, Ирана, Пакистана на протяжении многих веков поддерживали традиционные экономические и культурные взаимосвязи и имеют много общего в своей истории. ДРА совместно со странами социалистического содружества не раз выражала полную солидарность с народами Ирана, Пакистана, отстаивая свою независимость и суверенитет от посягательств американского империализма. ДРА неоднократно заявляла о готовности на основе переговоров урегулировать политическим путем любые вопросы с Пакистаном и Ираном. Афгано-пакистанские переговоры, проводимые через личного представителя Генерального секретаря ООН, первый раунд которых начался в июне 1982 г. в Женеве, безусловно, шли бы более успешно, если бы не противодействие известных сил извне. Стремясь сохранить напряженность в регионе в своекорыстных целях, США делают все, чтобы сорвать процесс политического урегулирования положения вокруг Афганистана. Как заявил генеральный секретарь ЦК НДПА Наджиб, «мы убеждены: справедливое урегулирование возможно. Что нужно, чтобы эта возможность стала реальностью? Только одно: политическая воля, ответственный, реалистический подход со стороны тех кругов Запада, усердием которых была создана «афганская проблема»¹⁶.

Представители стран социалистического содружества на различных международных совещаниях и форумах, в ходе двусторонних и многосторонних встреч постоянно проявляют свою солидарность с борьбой афганского народа против внутренней и внешней реакции, неизменно поддерживают все миролюбивые внешнеполитические инициативы ДРА.

Так, во время встречи руководителей ДРА и Болгарии первый секретарь ЦК БКП Т. Живков подчеркнул: «Болгария решительно выступает в защиту революционных завоеваний афганского народа. Она всесторонне поддерживает миролюбивую внешнюю политику Афганистана, направленную на укрепление мира и безопасности в своем регионе»¹⁷.

В документах Коммунистической партии Чехословакии выражено полное согласие чехословацких коммунистов с братской помощью, которую Советский Союз предоставляет афганской революции, заявлено о солидарности с народом, всеми революционными силами этой страны¹⁸. Свою поддержку афганской революции и борьбы афганского народа против происков империализма выражали и представители других стран социалистического содружества¹⁹.

На XXVII съезде КПСС с новой силой был подтвержден курс Советского Союза на неизменную поддержку усилий правительства и народа ДРА, направленных на защиту ее суверенитета²⁰. «Это существенно важная цель нашей политики»,—заявил М. С. Горбачев.

Так крепнет и ширится многогранное сотрудничество стран социалистического содружества и ДРА в борьбе против сил империализма и реакции, милитаризма и неокOLONиализма, за мир, демократию, свободу и светлое будущее всех народов.

¹⁶ Правда. 1986. 14 мая.

¹⁷ Работническое дело. 1981. 17 дек.

¹⁸ Руде право. 1981. 7 сент.

¹⁹ См.: White Book... P. 210—212, 219—220.

²⁰ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 69.

Х. АБДУЛЛАЕВ

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ

В истории общественно-философской мысли философия функционирует не только как теоретическая система, но и как феномен общественного сознания, в немалой мере зависящий от обыденного сознания, идеологии, общественной психологии, художественных произведений, биографии мыслителей и т. д.

Философия отнюдь не изолирована от общественно-исторической практики, и потому, безусловно, прав Т. И. Ойзерман, истолковывая философию и как мудрость, и как науку, и как общественное сознание, и как идеологию¹. Действительно, философия выполняет одновременно и научно-познавательные, и классово-мировоззренческие, и культурные функции, выступает и познанием, и культурой, и формой общественного сознания, и идеологией. Социально-историческую обусловленность общественно-философской мысли можно и нужно выявлять во всех указанных сферах ее проявления.

В определении природы философии в домарксистской философии, пожалуй, никто не был столь близок к истине, как Фейербах. «Моим первым желанием,—писал он,—было сделать философию общечеловеческим делом. Но кто однажды вступает на этот путь, неизбежно гриходит в конце концов к тому, чтобы сделать человека предметом философской деятельности и отринуть самое философию, так как она только потому станет общечеловеческим делом, что она перестанет быть философией.

Когда-то целью жизни для меня было мышление, теперь же жизнь является для меня целью мышления»².

И еще: «Истинная философия заключается не в том, чтобы творить книги, а в том, чтобы творить людей»³. Л. Фейербах поражает здесь и афористичной точностью общих формулировок, и тем, что «совершенно не знает, что делать с этими положениями». Призыв «творить людей», казалось бы, требовал обращения к изучению жизни людей, общества, но эту работу Л. Фейербах не прделывает. И все же в указанном отношении он стоит на голову выше всех современных экзистенциалистов, утверждающих, что мышление уже само по себе есть «делание» и что «внутренняя душевная жизнь индивида принадлежит ему одному и никакая история не может коснуться этой области»⁴.

В противовес этому марксизм исходит из принципа социальной обусловленности общественно-философской мысли. Проблема социальной обусловленности возникновения и развития философских идей решается им в общем виде как проблема «внутренней зависимости»

¹ См.: Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии. М., 1979.

² Фейербах Людвиг. Избр. филос. произв. Т. I. М., 1955. С. 268.

³ Там же.

⁴ См.: Jaspers K. Philosophie. Bd. I. Berlin—Göttingen—Heidelberg, 1956. S. 524.

общественного сознания от общественного бытия. «Даже туманные образования в мозгу людей,— писал К. Маркс,— и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса,... мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»⁵.

Проблема социальной обусловленности философских идей фиксируется не только в материалистическом исходном принципе «внутренней зависимости», но и в реальных общественных механизмах, определяющих конкретно-историческое своеобразие «продуктов мышления». Когда говорят о социальной обусловленности познания, то имеют в виду, что «обстоятельства, обуславливающие движение мысли, надо искать» не в свойствах самих мыслей и их собственных законах, а наоборот, «их объяснение надо искать в какой-то другой области, в действии законов иного рода»⁶—в законах и свойствах общественной среды, которая порождает мысли и в рамках которой действуют особые законы мышления.

Марксистский тезис о социальной обусловленности философских идей подчеркивает одновременно и тот момент, что нет никакого изолированного от общества мира «чистых мыслей». Когда В. Дильтей, например, заявляет, что сама философия «не обуславливается никаким устройством жизни: ее областью является высшая свобода духа» и что «их (философов) жизненным элементом есть и остается свобода их мышления»⁷, то он высказывает тем самым свое социологическое невежество. Это невежество, коренящееся в идеалистической иллюзии с некоем царстве «самотворящего духа», мы видим и в работах современных буржуазных авторов. «Каждая система,—пишет, например, французский представитель «радикального идеализма» М. Геру,—действительно выступает как внутреннее самопостижение, завершенное в себе самом и в границах, которые оно себе очертило a priori, т. е. согласно норме, устанавливаемой основополагающим суждением. Это самоутверждение есть признак абсолютности, оно заключает в себе притязание на универсальную и исключительную значимость»⁸.

Вульгаризация марксистского учения о взаимоотношении базиса и надстройки, общественного бытия и сознания выступает в трех исторических чередующихся между собой формах. Одна из них (известная в литературе под названием «шультниковщины») относится к тем авторам, которые не смогли распознать самое существенное в марксизме, по выражению В. И. Ленина,—его диалектику, «душу марксизма». Еще Ф. Энгельс выступал против вульгаризации материалистического понимания истории в духе пресловутого «экономического материализма»⁹.

Гносеологическим источником вульгарного социологизма, т. е. концепции, считающей возможным прямое выведение продуктов теоретической мысли и духовной культуры из социологических факторов, общественного бытия, является, как известно, отождествление бытия и мышления. Вульгарный социологизм по сути не выводит идеологические явления, продукты познания и духовной жизни из экономического основания, а сводит их содержание только к выражению «классового интереса», к «психоидеологии» социальных «прослоек». Следует

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.

⁶ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. I. М., 1955. С. 664.

⁷ Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. V. Leipzig und Berlin, 1924. S. 127.

⁸ Цит. по: Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М., 1982. С. 217.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 396.

вспомнить в этой связи ленинскую критику воззрений В. Шулятникова, утверждавшего, что во всякой философской системе «мы имеем дело с картиной классового строения общества, нарисованной с помощью условных знаков и воспроизводящей социальное положение определенной буржуазной группы»¹⁰.

Вульгарное «выведение» идей, взглядов, теорий данной эпохи из системы материальных отношений не имеет ничего общего с материалистическим положением о том, что сознание вообще есть отражение бытия вообще.

Вторая форма вульгаризаторства исходит главным образом от неокантианских ревизионистов, которые в духе Макса Адлера сознательно стремились к изъятию теоретико-познавательной проблематики в изучении происхождения и развития философских идей на основе глубоко ошибочного тезиса о «заменяемости» базисного и надстроечного анализа. Поскольку данная форма давно уже стала предметом обстоятельного критического анализа, мы не будем на ней останавливаться.

Третья форма вульгаризаторства исходит от представителей буржуазной «марксологии» и социологии познания, которые сознательно или бессознательно истолковывают марксистскую методологию историко-философского исследования в духе вульгарного социологизма, приписывают ей в основном редуccionистский характер. Причем редуccionистская модель прямого сведения или выведения идей из материальных условий либо принимается с известными оговорками, либо с негодованием отрицается и от вульгарноматериалистической, механистической трактовки связи материальных условий и идей совершается скачок в мир «факторов», «корреляций», мистических «совпадений» и прочей идеалистической шелухи.

Независимо от того, в какой форме выражалась идея социологического (экономического) редуccionизма, для нее характерен отказ от анализа конкретных диалектических взаимосвязей между бытием и сознанием, общественным и индивидуальным сознанием, между познанием и общественной практикой. Ложно истолковав марксистский тезис о социальной обусловленности сознания и познания, многие из тех, кто объявлял или выдавал себя за марксистов, стали предлагать бесчисленные «схемы» и методологические формулы сведения сознания к бытию, мало обращая внимания на то, что «абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности»¹¹. Так, согласно Марксу Лернеру, современному буржуазному социологу познания, «полный смысл какой-либо идеи можно вывести из четырех компонентов: а) мыслитель и его биография; б) интеллектуальная традиция, в которой творил последний; в) социальный контекст, в котором он обнародовал свои идеи; г) исторические последствия его идей и последующие аудитории, которые он себе приобрел»¹².

Очевидно, что главной ошибкой всех «редуccionистов», независимо от того, выступают ли они с вульгарноматериалистических или идеалистических позиций, является неспособность понять одновременное существование и диалектическую взаимосвязь самостоятельности и зависимости отражения субъектом объективной действительности. Диалектика общественного познания, как известно, имеет две стороны: внутреннюю зависимость познания от бытия и общественной практики и внешнюю самостоятельность, выражающуюся в том, что общественное сознание (познание) имеет свою историю, образуемую развитием его форм, содержания и продуктов мысли. Идеалистическая и вульгарноматериалистическая социология, будучи не в состоянии ис-

¹⁰ Шулятников В. Оправдание капитализма в западноевропейской философии. М., 1908. С. 7.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 26.

¹² См.: Child V. C. Society and Knowledge. London, 1956. P. 56.

следовать указанные противоречивые стороны в их диалектическом единстве, гипертрофировали лишь одну сторону и отвергали другую: как, с их точки зрения, несущественную. Если вульгарноматериалистическая социология (включая и последователей К. Маннгейма) абсолютизировала лишь момент зависимости общественного сознания от общего бытия и в этой связи отрицала его относительную самостоятельность, то идеалистическая социология рассматривала отношение между общественным сознанием и бытием как некие «корреспонденции», параллельные и независимые факторы, извне действующие друг на друга, в чисто функциональной, внешней взаимосвязи.

Применительно к анализу истории происхождения и развития философских идей подобная установка ведет на деле к игнорированию основополагающего принципа такого анализа, согласно которому «история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»¹³. Вместе с тем марксистский социологический подход к анализу возникновения и развития философских идей утверждает, что их содержание, в конечном счете, определяется историческим базисом, и не отрицает, а напротив, предполагает, что с точки зрения формы, которая, как известно, также может быть существенным моментом содержания, эти идеи могут как находиться в тесной связи с идеями, господствовавшими в предыдущие эпохи, так и зависеть в известной мере от микросреды и личных качеств того или иного мыслителя.

В. С. Горский, например, справедливо отмечает, что «характер и направленность интересов к философскому познанию формируется не столько сообществом философов, сколько теми группами, которые играют направляющую роль в жизни общества в целом»¹⁴.

Мысль о том, что социальная обусловленность продуктов общественного сознания и культуры выступает объективно с самого начала в форме общественной психологии, т. е. что непосредственной формой отражения базиса является психология классов и групп, в наиболее лаконичной форме выражена Г. В. Плехановым, отмечавшим, что «психология приспосаблиется к экономике» и что надо от экономики уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологии. «Психологическая» форма социального отражения, складываясь из мыслей и представлений («обыденных» по своей сути), возникает как непосредственный результат воздействия строго определенного общественного бытия, обуславливающего также своеобразие социально-психологических чувств, стремлений, настроений и т. д. Разумеется, среда, в которой живет тот или иной мыслитель, не тождественна всем материальным условиям жизни общества, однако особенности «микросреды» всякой личности можно понять лишь в связи с общими социальными условиями. В строгом смысле процесс отражения бытия и на «психологическом» уровне не является непосредственным: он опосредован самими материальными условиями жизни, образом жизни, бытом, традициями, воспитанием и т. д.

В свете сказанного ясно, что попытки некоторых современных буржуазных философов приписать марксистской концепции историко-философского процесса модель, игнорирующую многообразие конкретного, индивидуально-личностного в философском творчестве, совершенно несостоятельны.

Правильно понятый, а главное — правильно примененный социологический подход к анализу происхождения и развития философских идей не только не противостоит (как думают, например, экзистенциалисты) психологическому подходу, но и предполагает его. Вместе с тем марксистская концепция историко-философского процесса отвергает любые психологические объяснения происхождения и развития фи-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 112.

¹⁴ Горский В. С. Социальная среда и историко-философский процесс. Киев, 1969. С. 40.

лософских идей, представленные в форме анτισоциологизма вообще как некое «глубинное», психологическое истолкование философского текста. По этому поводу А. Лабриола писал, что «психология является плодом, производным, следствием определенных социальных условий. Данный класс, находящийся в данном положении, определяемом выполняемыми им функциями, подчинением, в котором он находится, или господством, которое он осуществляет, и вообще классы, их функции, подчинение и господство — все это предполагает тот или иной способ производства и распределения средств существования, т. е. специфическую экономическую структуру. Эта общественная психология, природа которой зависит от условий существования, не является выражением абстрактного и общего процесса развития так называемого человеческого духа; она неизменно представляет собой продукт специфических условий»¹⁵.

В мировоззрении мыслителей в наибольшей степени проявляется социальная обусловленность их творчества. Вот почему до сих пор полностью актуальны слова К. Маркса о том, что «и при теоретическом методе субъект — общество — должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка»¹⁶. Именно в этой связи марксистский принцип социальной обусловленности историко-философского процесса служит методологической основой исследования любой философской системы или течения общественно-философской мысли. Вместе с тем историк философии и особенно исследователь истории общественно-философской мысли отдельных стран и народов должен не только постигнуть данный принцип в его целостности и методологической глубине, но и уметь применить его к специфическим условиям развития духовной культуры конкретной нации или региона.

Х. Абдуллаев

**ТАРИХИЙ-ФАЛСАФИЯ ҒОЯЛАРНИНГ СОЦИАЛ ЖИҲАТДАН
БОҒЛИҚЛИГИ МАСАЛАСИГА ДОИР**

Мақолада марксча-ленинча методология асосида тарихий-фалсафий фикрларнинг социал жиҳатдан объектив боғлиқлиги ва унинг тарихий ривожланиши жараёнлари очиб берилган.

¹⁵ Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 91.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 38.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В СЕЛАХ УЗБЕКИСТАНА В 70-е ГОДЫ

Со вступлением советского общества в период совершенствования социализма значительно усилилось внимание Коммунистической партии к развитию культуры села. На значимость этого вопроса неоднократно указывалось в решениях партийных съездов, Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз, других важнейших партийных документах.

Огромную роль в организации культурно-просветительской работы в сельской местности, внедрении системного и комплексного подхода к ней сыграли планы социального и экономического развития колхозов и совхозов, реализация которых стала предметом особой заботы сельских партийных организаций страны, в том числе Узбекистана.

Одним из перспективных путей улучшения деятельности клубных учреждений домов и Дворцов культуры стала их централизация, создание так называемых культурных комплексов. Например, в феврале 1978 г. ЦК КПУз одобрил опыт Мархаматского (Андижанская область) и Ташлакского (Ферганская область) райкомов партии по централизации руководства клубными учреждениями¹.

Суть осуществленных преобразований состояла в том, что все колхозные, сельские и профсоюзные клубы на территории упомянутых районов с июля 1977 г. стали филиалами районных Домов культуры, получивших, таким образом, статус главных культурно-просветительских учреждений. Это позволило не только объединить материальные возможности отдельных очагов культуры, но и наладить широкий обмен опытом работы, равномерное распределение кадров культпросветработников, координировать и совершенствовать планы работы. При каждом районном Доме культуры, сельском клубе стал функционировать общественный совет по культпросветработе. Он разрабатывал комплексные планы этой работы, которые затем утверждались соответственно райкомами партии и партийными комитетами хозяйств. В свое время были отмечены как удачные планы Ташлакского, Кувинского, Риштанского и других районных Домов культуры Ферганской области².

Число сельских клубов в республике за годы IX—X пятилеток значительно увеличилось. Если в 1970 г. в селах Узбекистана работало 2764 клубных учреждения, то на конец IX пятилетки их было 2946, а к 1980 г.— 3199; изб-читален, красных чайхан и т. п.— соответственно 257, 347 и 380³.

В Ферганской области, например, в 1970 г. работало 426 клубных учреждений, в 1975 г.— 454, а в 1980 г.— 482⁴. Однако наряду с такой развитой сетью в некоторых областях в этом деле наблюдалось определенное отставание.

Важной формой культпросветработы стала деятельность передвижных автоклубов. Так, 20 автоклубов Бухарской области обслуживали за год около 180 тыс. жителей отдаленных районов⁵.

Большую роль в эстетическом воспитании сельского населения играла и играет сельская самодеятельность. Если в 1977 г. на селе было около 4600 коллективов художественной самодеятельности, то к концу X пятилетки их число увеличилось примерно на 8%; повысилось их исполнительское мастерство. Совершенствуется проведение районных и областных конкурсов самодеятельного искусства, смотров и фестивалей⁶. Ряд самодеятельных коллективов достиг уровня профессионального исполнительства. Например, Ферганский ансамбль «Табассум» (Ленинградский район) участвовал в зарубежных гастролях (в Сирии, Ираке, Афганистане).

¹ Правда Востока. 1978. 11 марта.

² См.: Культура быта села на подъеме. Ташкент, 1979. С. 116; Текущий архив Ферганского областного управления культуры. Отчеты о деятельности сельских культпросветучреждений за 1977—1980 гг.

³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1984 г. Стат. ежегодник. Ташкент, 1985. С. 314—315.

⁴ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1980 г. Ташкент. 1981. С. 299.

⁵ Текущий архив Бухарского областного управления культуры. Материалы за 1975—1980 гг.

⁶ Сельское хозяйство Узбекистана, 1979. № 1, С. 158.

Значительно расширился диапазон культурно-просветительных и политико-воспитательных мероприятий, проводимых в сельских клубах. Здесь можно упомянуть о вечерах вопросов и ответов, литературных вечерах, встречах с участниками Великой Отечественной войны и ветеранами труда, с профессиональными артистами, работниками кино, писателями, о передвижных художественных выставках, музыкальных вечерах и т. п.

На конец десятой пятилетки сельские кружки художественной самодеятельности, ансамбли песни и танца, драматические коллективы объединяли около 75 тыс. человек, 42 коллектива получили статус народных. В среднем за год давалось около 50 тыс. самодеятельных концертов, на которых в целом присутствовало около 5,5 млн. слушателей и зрителей⁷.

Значительные успехи были достигнуты и в кинофикации села. На конец десятой пятилетки стационарными киностановками были обеспечены практически все сельские населенные пункты с числом жителей более 400 человек. Остальные же регулярно обслуживались кинопередвижками, оснащенными современной аппаратурой и автотранспортом. Кинорепертуар для села ко времени десятой пятилетки в отличие от 60-х годов практически мало в чем отставал от городского.

Следует отметить, что если в РСФСР, УССР, БССР, КазССР количество кинопосещений в 70-е годы заметно уменьшилось, то в УзССР за это время оно выросло с 56 млн. до 87 млн. в год⁸. В этом немалую роль сыграли актуальность тематики и повышение качества продукции «Узбекфильма», а также совершенствование дублирования кинопроизведений других республик Союза. Киноискусство выступает важным фактором повышения культурного уровня сельского населения, его интернационального воспитания.

Значительную роль в дальнейшем культурном развитии колхозно-совхозной деревни сыграло продвижение на село книги. Только за годы восьмой-девятой пятилеток число сельских библиотек выросло в 1,4 раза и превысило 5200, а их книжно-журнальный фонд увеличился в 2 раза⁹. Начался переход сельских библиотек на централизованную систему обслуживания, способствующую увеличению подвижности книжного фонда, повышению методического уровня работы, распространению опыта лучших библиотек.

В связи с ростом книжного фонда расширились и возможности обслуживания населения. На I библиотеку УзССР в среднем приходилось в 1980 г. 2,4 тыс. человек¹⁰. Если в 1970 г. книжный фонд одной библиотеки в среднем составлял 6102 экз., то в 1975 г.— 6983 экз., а в 1980 г.— 8733 экз. Примечательно, что книжный фонд сельских библиотек увеличивался гораздо быстрее, чем городских¹¹. Однако острой проблемой для сельских библиотек оставалась в целом невысокая квалификация работников. Этот недостаток не был преодолен в 70-х годах, несмотря на увеличение приема студентов на библиотечный факультет Ташкентского института культуры.

С 1977 г. в Узбекистане началось строительство сельских библиотек по типовым проектам. Были приняты меры по централизации руководства справочно-библиографической и массовой работой с читателями, усилению ответственности областных библиотек за методическое руководство деятельностью сельских библиотек.

В. И. Ленин подчеркивал, что надо «видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей..., а в том, как широко обращаются к книге в народе»¹². Эти ленинские слова актуальны и в наши дни.

В качестве примера можно привести работу библиотек Риштанского района Ферганской области. С 1970 по 1980 г. число читателей там выросло более чем на 40%. Постоянно пользовались библиотеками около 10 тыс. человек. Работники библиотек практиковали обслуживание студентов-заочников, составление рекомендательных списков по технической и художественной литературе, организацию обсуждений книжных новинок, встреч читателей с литераторами республики и т. п. Количество выдаваемых книг превысило 50 тыс. экз. в год¹³.

Важную роль в продвижении книги в массы сельских тружеников играет книжная торговля через систему потребкооперации. В конце девятой пятилетки в райцентрах появляются первые специализированные книжные магазины, а к концу десятой пятилетки они существовали уже во всех районных центрах и многих крупных поселках. Начали практиковаться такие прогрессивные формы книготорговли, как бланк-заказы, заказы читателей по проспектам издательств. В каждом книжном магазине стали оформляться заказы на подписные издания. Существенно улучшилась работа областных книжных коллекторов по комплектованию сельских библиотек. Важную роль сыграла такая прогрессивная форма книжной торговли, как передвижные книжные автолавки, и т. п.

Репрезентативным показателем развития культуры на селе служит и постоянное увеличение подписки на газеты и журналы. Так, в 1971 г. в Ферганской области

⁷ Народное хозяйство СССР (1922—1982). М., 1982. С. 528.

⁸ Там же.

⁹ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1979 г. Ташкент, 1980. С. 245.

¹⁰ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1984 г. С. 312—313.

¹¹ Узбекистан за годы одиннадцатой пятилетки (1981—1985 гг.): Стат. сборник. Ташкент, 1986. С. 92.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 348.

¹³ Ферганский облгосархив, ф. 1224, д. 490, л. 45.

подписка на них составляла 1107,3 тыс. экз., на общую сумму 1418,9 тыс. руб. (включая розницу), в 1975 г.—1395,4 тыс. экз. на 4537,7 тыс. руб., а к 1980 г. она выросла еще почти на 19%¹⁴.

Важнейшим средством развития культуры тружеников села стали радио и телевидение. С введением в годы девятой и десятой пятилеток мощных принимающих и передающих устройств системы «Орбита» телевизионные передачи принимаются практически во всех уголках Узбекистана. В 1970 г. населению было продано 104,7 тыс. телевизоров, в 1975 г.—74,2 тыс., а в 1980 г.—85,0 тыс. К этому времени полностью была удовлетворена первичная потребность населения и наступил период вторичного спроса, т. е. замены менее совершенных приемников более дорогими и высококачественными. Еще шире шла реализация радиоприемников. Если в 1970 г. их было продано 230,5 тыс., то в 1975 г.—277,0 тыс., а в 1980 г.—291,5 тыс. В 1977 г. завершены радиофикация сельской местности республики, развертывание радиотрансляционной сети¹⁵.

Печать, радио, телевидение уделяли все больше внимания вопросам повышения культуры сельского быта, внедрению новых обрядов, традиций и т. д. Разумеется, в деятельности сельских культпросветучреждений республики в рассматриваемый период было немало недостатков. Далеко не везде она велась с должной активностью и эффективностью. Существенные недостатки допускались и в работе с кадрами культпросвета.

Партийные, советские и общественные организации слабо использовали растущую сеть культпросветучреждений, их разнообразную деятельность в борьбе со всякого рода негативными явлениями, в том числе в культуре и быту сельского населения.

Решения XXVII съезда КПСС и XXI съезда КПУз ставят перед учреждениями культпросвета новые ответственные задачи, в том числе в их работе на селе. Партия требует резкого усиления, повышения качества и эффективности всей работы по коммунистическому воспитанию и подъему культуры советских людей. Эти задачи четко определены в новой редакции Программы КПСС и других документах XXVII съезда КПСС. И прямой долг учреждений культпросвета, в том числе на селе,—внести достойный вклад в практическую реализацию этих задач в интересах дальнейшего совершенствования социализма на основе всемерного ускорения социально-экономического развития страны, в обеспечении которого все более важную роль играет человеческий фактор, т. е. рост творческой, сознательной трудовой и общественно-политической активности советских людей.

Т. А. Эгамбердиева

¹⁴ Текущий архив Ферганского областного отделения «Союзпечати» за 1971—1980 гг.

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1982 г. Ташкент, 1983. С. 211.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ТАШКЕНТЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одним из важнейших объективно-прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России стало, как известно, развитие здесь фабрично-заводской промышленности. Ведущее место в этом процессе занимал Ташкент — крупнейший административный, экономический и культурный центр края. Царизм и российская буржуазия стремились превратить Туркестан в сырьевую базу и рынок сбыта для метрополии. Этим и было обусловлено создание здесь соответствующих отраслей промышленности капиталистического типа, прежде всего по переработке хлопка-сырца.

В Ташкенте первый хлопкоочистительный завод был построен в 1879 г. С. И. Назаровым; в дальнейшем число их возрастает. Первоначально они были маломощными. Так, в 1885 г. один из них производил 30 тыс. пудов волокна на сумму 62 тыс. руб. Там работали лишь один мастер и 4 рабочих.

В 1893 г. на 8 заводах было очищено хлопка на сумму 1 663 400 руб., а в 1911 г. на 7 заводах — на 3 192 266 руб.¹ Здесь прежде всего сказался рост технической оснащенности предприятий.

Одной из первых отраслей промышленности, появившихся в Ташкенте, было и кожевенное производство. Первый кожзавод был построен купцом М. А. Хлудовым в 1868 г. В 1885 г. их насчитывалось уже 4 (с 4 мастерами и 48 рабочими), а объем продукции выразился в сумме 157 тыс. руб.² К 1911 г. 25 заводов (где работало в общей сложности 200 человек) давали продукцию на 750 тыс. руб.

С развитием градостроительства важное значение обретает создание кирпичных заводов. В 1872 г. кирпичный завод С. К. Янчевского производил 1 016 900 кирпичей на сумму 17 360 руб. Здесь работали 5 русских (из них 2 мастера и 3 кочегара)

¹ Обзор Сыр-Дарьинской области за 1911 г. Ташкент, 1913. С. 127. (Последующие сведения, относящиеся к 1911 г., также почерпнуты из данного обзора).

² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 1932, л. 13.

и 34 рабочих-узбека³. В последующие годы появилось еще несколько заводов (Т. Юсупова, У. Исакова, Д. Ишанходжаева и др.). Например, А. Хидояттов открыл в Шейхантаурской части города кирпичный завод «по системе инженера Гофмана»⁴. Вообще кирпичные заводы были расположены главным образом на территории «старой» части города. Так, в 1887 г. из 39 кирпичных заводов Ташкента там размещалось 37; они выпускали около 2 млн. шт. кирпичей⁵. Нельзя не отметить и создание чугунолитейных заведений, продукция которых (чугун, медь, бронза, железо) было необходима для промышленности, ремесленного производства и др. Из нее изготовляли орудия производства, различную утварь и т. д. В 1896 г. в Ташкенте было 3 таких предприятия (с 6 рабочими), в 1911 г.—9 (220 рабочих), а объем производства соответственно составил 2500 руб.⁶ и 300 тыс. руб.

Новым для края было и появление ткацкой фабрики, впервые основанной в 1873 г. П. Гурде. Там было установлено 60 станков и работало 60 человек (6 русских, 54 узбека). В первый год своего существования фабрика выпустила 30 тыс. аршин торбочной маты на сумму 3750 руб⁷. Сырьем для нее служила пряжа, выработанная в Ташкенте, Коканде и Бухаре. В том же году стала работать и ткацкая фабрика Жемчужникова, выпустившая 4 508 аршин ткани на сумму 864 руб.⁸ Однако эти предприятия базировались на ручном труде и требовали больших затрат, т. е. были нерентабельными, а потому вскоре их закрыли. Быстро прекратили свою деятельность и 2 шелкомотальные фабрики, возникшие в 1871—1872 гг.

Среди предприятий Ташкента начала XX в. следует назвать фабрику обуви и обмундирования, предназначенных для армии. В 1911 г. она давала продукции на сумму 2 342 тыс. руб. Там трудилось тогда 700 рабочих.

Важным событием стало появление в Ташкенте типографии, которая впервые была открыта в 1868 г. при военно-окружном штабе. В 1872 г. возникла вторая типография — при канцелярии туркестанского генерал-губернатора. В 1888 г. открылась типография А. Порцева, в 1893 г. — бр. Каменских⁹ и т. д. В «старой» части города были открыты литография Т. Арифжанова и типография И. Иногамджанова¹⁰.

В 1908 г. в Ташкенте появляется новая важная отрасль промышленности — вступил в строй цементный завод, построенный инженером А. Н. Ковалевским и работавший на местном высококачественном сырье¹¹.

Возникает и табачная промышленность. Так, в 1877 г. была основана табачная фабрика Перушина. В 1888 г. действовало 8 фабрик, но работали они нерегулярно. Например, в 1892 г. их было 5¹², в 1893 г. — 2¹³, а в отдельные годы начала XX в. они вообще прекращали свою работу.

Появились в городе и спичечные фабрики, которых в 1892 г. насчитывалось 5 (со 109 рабочими) с объемом продукции на сумму 5288 руб.¹⁴ Но и эти фабрики работали с перебоем. Так, в 1894 г. их продукция снизилась до 485 руб.¹⁵

Нельзя не отметить также возникновение сантонинного (т. е. фармацевтического) завода, построенного в 1886 г. Н. Никитиным¹⁶. Позднее появился второй такой завод. Работали они на цитварном семени, привозимом из Чимкента. В 1891 г. стоимость их продукции составила 70 тыс. руб.¹⁷ Это ценное лекарство вывозили в Центральную Россию, Англию, Германию. Тем не менее и эти предприятия работали с перебоями.

Открывались также кишечные заводы. Основателем первого из них был Т. В. Дюршмидт. Завод занимался очисткой и консервированием кишок. Впоследствии начал работать и завод оренбургского купца А. Хусаинова. В 1911 г. на обоих заводах, где было занято 59 рабочих, было выработано продукции на 76 659 руб.

Получили значительное развитие отрасли пищевой промышленности. Прежде всего следует отметить появление маслобойных заводов. Первый из них был открыт в Ташкенте в 1872 г. Там вырабатывалось ореховое, кунжутное, урюковое масло. Продукция этого завода на осенней выставке 1885 г. в Ташкенте была удостоена большой серебряной медали¹⁸. В 1885 г. начал работать маслобойный завод С. И. Лахтина.¹⁹ Кроме масла, эти заводы вырабатывали мыло, кормовую муку, жмых для скота и др. Мыловарение впервые было начато в 1892 г. Объем продукции указанных заводов в 1911 г. превысил 400 тыс. руб. Там работало 78 человек.

³ Там же, ф. И-36, оп. 1, д. 944, л. 42.

⁴ Там же, ф. И-17, оп. 1, д. 17719, л. 7.

⁵ Там же, ф. И-36, оп. 1, д. 3912, л. 84.

⁶ Там же, д. 3662, л. 252.

⁷ Там же, ф. И-17, оп. 1, д. 18201, л. 61.

⁸ Там же, л. 62.

⁹ Там же, ф. И-36, оп. 1, д. 3912, л. 84.

¹⁰ Там же, д. 6503, л. 40.

¹¹ Туркестанский сборник. Т. 469. С. 17—18.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-36, оп. 1, д. 3391, л. 255.

¹³ Обзор Сыр-Дарьинской области за 1893 г. Ташкент, 1894. С. 152.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-36, оп. 1, д. 3391, л. 255

¹⁵ Там же, д. 3662, л. 253.

¹⁶ Там же, д. 2819, л. 235.

¹⁷ Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. I. Ташкент, 1891. С. 202.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 190, д. 395, л. 79.

¹⁹ Там же.

Быстро росло производство алкогольных напитков. Еще в 1866 г. купец И. И. Первушин основал первый винокуренный завод, а в 1868 г. их было уже 6. В 1875 г. выработка продукции их составила 168 487 руб. В общей сложности на этих заводах работало тогда до 40 человек, в большинстве своем узбеки.

Винодельные заводы Ташкента тех лет были еще маломощными. Например, в 1885 г. три завода дали продукции на 34 725 руб. Там работали 3 мастера и 23 рабочих²⁰. Вина носили названия по сортам винограда — чарос, ходжа ахрар, карши, султани, буваки, чашма, мускат и др. В 1911 г. 4 винодельных завода Ташкента произвели продукции на 264 тыс. руб.

Широкие масштабы приняло и производство водки. Вначале ее производили на винокуренных заводах, а с 70-х годов начали действовать самостоятельные водочные заводы. В 1872 г. завод Жемчужникова реализовал водки на 56 217 руб.²¹; в 1890 г. два завода (с 2 мастерами и 27 рабочими) дали ее на 204 898 руб.²², а в 1911 г. производство водки на трех ташкентских заводах (с 116 рабочими) достигло общей суммы 1 123 853 руб.

Пивоваренные заводы появились в Ташкенте также в 70-х годах. В 1890 г. объем продукции трех заводов (с 3 мастерами и 98 рабочими) составил 102 400 руб.²³, а в 1911 г. четыре завода (с 206 рабочими) дали пива на 608 500 руб.

Росло также число фабрик и заводов — макаронных, кондитерских, хлебопекарных, булочных и др. Кроме того, в Ташкенте действовали рисоочистительные заводы и мукомольные мельницы.

Таким образом, в рассматриваемый период Ташкент превратился в крупнейший промышленный центр Средней Азии. Если в 1887 г. общий объем промышленной продукции предприятий города определялся в 2 626 124 руб., то в 1910 г. он возрос до 5044 тыс. руб. Кроме того, в Ташкенте существовали многочисленные мастерские, где работали сотни людей. Например, в 1910 г. только в «новой» части города численность работников мастерских достигала почти 4 тыс. человек. Немало ремесленников было и в «старой» части города. Это был важный резерв формирования рабочего класса Туркестана.

Следует еще раз напомнить, что промышленность Ташкента, как и всего края, в значительной мере ограничивалась первичной обработкой сырья и носила ярко выраженный колониальный характер. И все же появление промышленности капиталистического типа привело к формированию в крае национальной буржуазии. Еще в конце XIX в. отмечалось: «В Ташкенте народилась фабрично-заводская промышленность, причем возникновение ее вызвало подражание среди туземцев, перечисляя городских фабрикантов и заводчиков, мы уже встретим до десятков имен сартов (узбеков, — Ж. И.)»²⁴. В дальнейшем число предпринимателей из числа узбеков еще более увеличилось. Однако национальная буржуазия в целом была в количественном отношении незначительной и полностью зависела от метрополии.

Развитие промышленности сыграло важную роль в формировании местного рабочего класса. На заводах и фабриках росло количество постоянных рабочих. Например, на 9 хлопкоочистительных заводах Ташкента в 1913—1914 гг. было 407 рабочих, из них у джин работало 88 человек, у линтеров — 32, у прессов — 36, при двигателях — 40, чернорабочих — 167 человек²⁵. При двигателях работали в основном русские. Вместе с тем коренных рабочих можно было уже увидеть у джина, линтера и др.

Постепенно формировался и отряд женщин-работниц. К 1913 г. из 268 женщин, занятых на заводах и фабриках Ташкентского уезда, 171 (63,8%) приходилась на г. Ташкент²⁶.

Накануне Октября в Ташкенте действовали свыше 40 предприятий, Ташкентский трамвай, Главные железнодорожные мастерские Среднеазиатской железной дороги, Бородинские мастерские Ташкентской железной дороги и железнодорожное депо. В городе насчитывалось свыше 8500 рабочих, из них 4—4,2 тыс. железнодорожников²⁷.

Таким образом, в предреволюционные годы Ташкент играл ведущую роль в развитии промышленности и формировании рабочего класса в Средней Азии, т. е. в складывании в крае необходимых предпосылок для грядущей победы Великого Октября.

Ж. Х. Исмаилова

²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-36, оп. 1, д. 1932, л. 13.

²¹ Там же, д. 244, л. 30.

²² Там же, ф. И-17, оп. 1, д. 20813, л. 25.

²³ Там же, л. 25.

²⁴ Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. I. Ташкент, 1891. С. 180.

²⁵ Заорская В. В., Александр К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. С. 66—67.

²⁶ Там же. С. 130.

²⁷ Вексельман М. И. О численности рабочего класса Средней Азии накануне Октября// Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 9. С. 31.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕСТНЫХ ШКОЛАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УЗБЕКИСТАНА

В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, подчеркивается, что в процессе дальнейшего расцвета и сближения социалистических наций и народностей СССР и впредь «будут обеспечиваться свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков. В то же время овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры»¹. Это — одно из важнейших достижений ленинской национальной политики КПСС — политики дружбы, братства и равноправия всех наций и народностей нашего многонационального социалистического Отечества.

Как известно, процесс овладения значительной частью населения Средней Азии русским языком получил широкое развитие лишь после Октябрьской революции. Однако еще до победы Октября, в условиях тяжелого колониального режима, уже проявляется интерес наиболее сознательной части коренного населения Среднеазиатского региона к овладению языком русского народа. В узбекский и другие языки проникают лексические элементы из русского языка (особенно в устной речи). В условиях изменений социально-экономической и культурной жизни края в языковой обиход входит немало русских слов.

Поучительно, что представители передовой общественной мысли народов Средней Азии (Муками, Фуркат, Саттархан, позднее Хамза и др.) хорошо осознавали значение русского языка как средства межнационального общения и призывали своих соотечественников к овладению им и вообще ко все более широкому знакомству с передовой культурой русского народа как к фактору общественного прогресса и просвещения. Да и сама жизнь требовала наличия в сфере промышленности, сельского хозяйства, торговли, народного образования и т. д. людей, владеющих русским языком, способных переводить с русского на местные языки, и наоборот.

Примечательно, что эта сторона дела не ускользнула от внимания В. И. Ленина, который, категорически осуждая всякие попытки принудительного насаждения русского языка, изучения «его *из-под палки*»², в то же время глубоко верил в великую будущность русского языка в условиях равноправных отношений и тесного дружеского общения народов России, освобожденных от социального и национального гнета.

Читая книгу Отто Гетча о Туркестане (1913 г.), В. И. Ленин особо отметил указание автора на то, что люди из коренных национальностей края все яснее понимают значение русского языка как общего делового и государственного языка. В. И. Ленин записал под впечатлением прочитанного: «Сарты охотно учатся по-русски»³.

И факты подтверждают это. В Ташкенте, к примеру, местные ремесленники (узбеки, киргизы, таджики и др.) обучались на вечерних курсах русского языка, организованных Ташкентским отделением Общества востоковедения⁴.

Расширилось и преподавание русского языка в учебных заведениях края, в том числе в так называемых русско-туземных школах.

Первая из них была открыта в 1884 г. в Ташкенте — административном и экономическом центре края, где сильнее всего чувствовалась потребность в знании русского языка⁵.

Первые шаги этих школ были робки и неуверенны; местное население относилось к ним по-началу боязливо и настороженно⁶. Но постепенно сеть русско-туземных школ начинает развиваться по всему Туркестану.

В 1886 г. в Сырдарьинской области открылось 8 таких школ⁷, в Ферганской — 5, Самаркандской — 1⁸. В 1887 учебном году такие школы появились в Нукусе, Катакургане, Панджикенте, Дагбиде⁹. В одной только Сырдарьинской области в 1887 г. число русско-туземных школ достигло 9¹⁰, в 1896 г., по отчету главного инспектора Управления учебными заведениями, в крае было 28 русско-туземных школ (791 ученик)¹¹, а в 1900 г. в них обучалось 1490 человек¹².

Каждая школа делилась на два класса. В основном классе занятия велись по изучению русского языка и, с его помощью, начатков общего образования. В мусуль-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 157.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 295.

³ Там же. Т. 28. С. 515.

⁴ Подробнее см.: Лукин Б. В. У истоков великой дружбы. Ташкент, 1972. С. 181—198.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 177, д. 278, л. 28.

⁶ Туркестанский сборник. Т. 545. С. 207.

⁷ Там же. Т. 481. С. 167.

⁸ Граменицкий С. М. Очерки развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896. С. 15.

⁹ Там же.

¹⁰ Обзор Сырдарьинской области за 1887 г. Ташкент, 1888. С. 192.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 467, л. 126.

¹² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 177, д. 278, л. 85.

манском классе изучали мусульманское вероучение, а также арабскую грамоту. Ниже приводится образец программ по обучению русскому языку в этих школах¹³.

1 год. Устное изучение слов, относящихся к окружающей обстановке жизни, при помощи наглядного метода. Обстановка класса, важнейшие части тела человека, счет до 10, одежда и домашняя утварь, домашние животные, родные, дни недели, описание класса, дома, двора, человека и животных.

Изучение русской азбуки на русских словах, упражнения в чтении и переписке пройденного по вопросам, в пределах устно изученных русских слов. Письмо элементов, букв, строчных и прописных. Списывание изученных русских слов.

2 год. Описание сада, огорода, базара и поля, растений, плодов и овощей, важнейшие товары и меры ремесленных изделий, месяцы и времена года.

Чтение и пересказ статей на изученные слова. Чтение связанных описаний, относящихся к окружающей учащимся обстановке жизни, с попутным объяснением новых и незнакомых понятий; списывание изученных русских слов, фраз и статей.

3 год. Описание и рассказы, относящиеся к обстановке города, деревни, поля, описание диких животных и рассказы из их жизни, краткие описания степи, леса, гор и рек, понятие о Родине.

4 год. Чтение и пересказ более обширных рассказов и описаний. Ознакомление с краткой географией России, более подробное ознакомление с географией Туркестанского края. Возможное ознакомление с важнейшими событиями из русской истории. Зрительный и устный диктант на важнейшие правила правописания.

Во второй половине года упражнение в самостоятельном изложении прочитанных рассказов и описаний, сначала по вопросам, а затем в связном изложении.

Существовавшие при некоторых русско-туземных училищах вечерние курсы для взрослых тоже обучали разговорному русскому языку, чтению и письму по-русски, а также счету¹⁴. По отчету главного инспектора училищ Туркестанского края, в 1904 г. вечерние курсы для взрослых состояли при 30 русско-туземных школах¹⁵. Учеников в них было 851¹⁶.

С начала XX в. сеть русско-туземных школ непрерывно растет, что было связано с развитием экономической и культурной жизни края. Так, в 1907 г. здесь действовали 83 школы с 2700 учащихся, а в 1916 г.—155 школ с 7221 учащимся¹⁷.

Появление русско-туземных школ было объективно прогрессивным явлением. Они знакомили некоторую часть населения края с русским языком, а через него и с русской культурой. Умение читать по-русски позволяло учащимся знакомиться с русской литературой и способствовало росту грамотности среди населения.

Характерно, что на одном из заседаний Ташкентской городской думы было решено ввести в одном из ташкентских медресе обучение русскому языку с отнесением расходов на средства города. В этой связи отметим, что в начале XX в. отдельные группы представителей коренного населения, учащихся ряда медресе также ходатайствовали об открытии при медресе классов русского языка. Например, в 1900 г. группа жителей Кувы писали, что они «с нетерпением ожидают результата своего ходатайства об открытии при местном медресе классов русского языка»¹⁸.

В 1904 г. группа учащихся ташкентских медресе просили открыть класс русского языка при медресе Ходжа Ахрара или Бекларбеги¹⁹.

В своей книге «Бухара» С. Айни рассказывает, с какой жадностью слушатели Бухарского медресе стремились услышать и запомнить русские слова²⁰. Но эти устремления не всегда удавалось осуществить. Например, горячо заинтересовавшись русской культурой и русским языком, один из учащихся медресе Мир Араб Мулла Тураб пользовался своими поездками из Бухары в Самарканд, где жило много русских, для того, чтобы записывать русские слова с переводом их на таджикский язык в особую тетрадь, а затем изучать по ней русский язык. Своими записями он делился с некоторыми учащимися медресе. Это, однако, не осталось бесследным. Тураб был обвинен в ереси и вынужден был ночью тайком бежать из медресе.

Известны факты о занятиях русским языком в медресе Маъдали хан (Коканд), Бекларбеги и Ишанкули Датхо (Ташкент)²¹, в одном из медресе Самарканда²² и др. По сообщению преподавателя курса русского языка при медресе Ишанкули Датхо, в 1915 г. там обучалось 32 человека и только теснота помещения не позволяла производить дальнейший прием желающих²³.

Конечно, все это были еще первые ростки нового, появлявшиеся в тяжелых условиях колониального режима, но они предвещали, пусть пока лишь отдаленно, грядущую дружбу народов и связанное с ней широкое распространение русского

¹³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 13, д. 811, л. 39.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 467, л. 133.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 204, д. 251, л. 26.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, оп. 77, д. 278, л. 85.

¹⁸ Русский Туркестан. 1900. № 8.

¹⁹ Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX вв. Ташкент, 1962. С. 135.

²⁰ Айни С. Бухара: Воспоминания. М., 1951. С. 150—200.

²¹ ЦГА УзССР, ф. И-49, оп. 1, д. 318, л. 2—3.

²² История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968. С. 400.

²³ ЦГА УзССР, ф. И-490, оп. 1, д. 318, л. 2.

языка в послеоктябрьское время, в обстановке общего подъема и расцвета культурной жизни узбекского и других народов нашей страны²⁴.

Ш. Исмаилов

²⁴ Подробнее об этом см., напр.: Шермухамедов С. Русский язык — великое и могучее средство общения советского народа. М., 1980; Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1977; и др.

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ О КУЛЬТУРЕ И УЧЕНЫХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Между народами Средней Азии и Индии издавна существовали многообразные связи, в том числе в сфере культуры и науки. Уже много веков назад выдающиеся представители науки и культуры Среднеазиатского региона проявляли большой интерес к Индии, ее истории, экономике, культурным достижениям. И надо сказать, что интерес этот был взаимным. Об этом свидетельствуют исследования как советских, так и индийских ученых, раскрывающих глубокоую древность и плодотворность взаимосвязей и взаимовлияний материальной и духовной культуры народов Средней Азии и Индии.

Много внимания различным аспектам истории среднеазиатско-индийских научных и культурных связей уделял выдающийся государственный деятель и мыслитель Индии Джавахарлал Неру (1889—1964).

Изучая историю Индии, вклад индийского народа в мировую цивилизацию, его взаимоотношения с другими народами, Дж. Неру неоднократно обращался и к творчеству таких выдающихся среднеазиатских ученых, мыслителей, как Мухаммад ибн Муса Хорезми (783—850), Абу Наср Фараби (873—950), Абу Али ибн Сина (980—1037), Абу Райхан Беруни (973—1048) и др. Дж. Неру указывает на их среднеазиатское происхождение, высоко оценивает их творческое наследие и отмечает их вклад в развитие культуры Индии.

Отношение Дж. Неру к среднеазиатским ученым, мыслителям, поэтам ярче всего отражено в его классических трудах: «Открытие Индии», «Взгляд на всемирную историю» и др. Так, в «Открытии Индии» он говорит о широкой известности трудов математика и астронома IX в. Хорезми; отмечает, что не только в Азии, но и в Европе славился «Ибн Сина (Авиценна) из Бухары, которого называли царем врачей»; называет «одним из крупнейших мыслителей» Абу Насра Фараби¹.

С именем Абу Али ибн Сины — великого философа и врача — мы встречаемся и на страницах книги Дж. Неру «Взгляд на всемирную историю», где говорится, что «в Бухаре, в Средней Азии, жил великий ...врач, знаменитый как в Азии, так и в Европе. Его имя Ибн Сина, но в Европе он больше известен как Авиценна. Его называли королем врачей»².

Пристально изучая творчество среднеазиатских ученых эпохи средневековья, Дж. Неру дает достойную оценку их вклада в мировую цивилизацию, отмечает взаимосвязи науки и культуры Индии и Средней Азии.

Среди великих среднеазиатских ученых Дж. Неру с особым уважением и восхищением отзывался об Абу Райхане Беруни. Так, он писал: «Ученый и писатель ал-Беруни... в своих книгах дает нам представление о... жизни тогдашней Средней Азии... он уроженец Хивы, он был в Индии и много путешествовал по ней. Он рассказывает о крупных оросительных сооружениях в государстве Чола на юге, хотя сомнительно, был ли он в Южной Индии и видел ли он эти сооружения лично. В Кашмире он овладел санскритским языком и изучал религию, философию, науку и искусство Индии. Ранее он изучил греческий язык, чтобы ознакомиться с греческой философией. Его книги не только содержат много фактических сведений; они рассказывают также о том, как, несмотря на войны, грабежи и массовые избиения, люди науки упорно продолжали свою работу и как народ одной страны старался понять народ другой страны...»³

Имя и творчество Беруни занимают достойное место и в книге «Взгляд на всемирную историю». В ней Неру обращается к трудам Беруни для изучения истории Индии. Так, он пишет: «Раджендра I, царь из династии Чолов, возвел в Чолапураме замечательное ирригационное сооружение — дамбу прочной каменной кладки длиной в шестнадцать миль. ...ал-Беруни, посетивший это сооружение спустя сто лет после постройки, был поражен»⁴. Далее Беруни вновь упоминается им в числе великих путешественников: «Одним из знаменитых ...путешественников был ал-Беруни, который посетил Индию и ...оставил записки о своих путешествиях»⁵.

Яркую характеристику творчества Беруни находим мы в письмах Дж. Неру, адресованных его дочери Индире Ганди: «...ал-Беруни, человек образованный и ученый... Он путешествовал по всей Индии, стараясь понять новую страну и ее народ. Ему так сильно хотелось ознакомиться со взглядами индийцев, изучал индийскую философию, а также науки и искусство в том виде, как их преподавали в Индии. «Бхагавадгита» стала по-настоящему его любимой книгой. Летопись его

¹ Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 243.

² Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 1. М., 1975. С. 286.

³ Неру Дж. Открытие Индии. С. 246—247.

⁴ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 1. С. 201.

⁵ Там же. С. 232.

странствий по Индии — одна из великих древних книг путешествий, дошедших до нас. В хаосе разрушений, кровопролития и нетерпимости он выделяется как ученый, терпеливо наблюдающий, изучающий и старающийся постигнуть истину»⁶.

Дж. Неру говорит о глубоком уважении к Беруни со стороны индийских ученых; подчеркивает, что Беруни отразил в своем творчестве наиболее крупные достижения древнеиндийской цивилизации в области астрономии, фармакологии, философии, культуры и искусства. В своих трудах «Канон Мас'уда», «Геодезия», «Фармакология» и др. он творчески использовал и достижения древнеиндийской науки. Его знаменитый труд «Индия» показывает, насколько глубоко и всесторонне изучил он эту страну.

К числу тех, кто внес большой вклад в изучение Индии, Дж. Неру относил и Захириддина Мухаммада Бабура, в котором он видел, не только государственно-го деятеля, но крупного ученого и поэта. «Бабур был одним из самых культурных ...людей, какие только существовали. Он ...увлекался искусством и литературой и сам писал стихи...»⁷ Дж. Неру так характеризует его книгу «Бабур-наме»: «Бабур написал воспоминания, и эта воспитательная книга позволяет заглянуть в сокровенный мир этого человека. Он рассказывает нам об Индостане, о его животных и цветах, о деревьях и фруктах — не забывает даже о лягушках!»⁸

«Интересно отметить, — писал Дж. Неру, — что Бабур воспринимает всю Индию как единое целое, хотя ко времени его прихода она была раздроблена на множество царств. Эта идея единства Индии сохранялась на протяжении всей ее истории»⁹.

Как видим, Дж. Неру дает высокую оценку творческому наследию среднеазиатских ученых, мыслителей, литераторов, их вкладу в изучение Индии, развитие среднеазиатско-индийских научных и культурных связей в эпоху средних веков.

А. А. Юлдашев

⁶ Там же. С. 308.

⁷ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 2. М., 1975. С. 57.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 59.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

ФОРТИФИКАЦИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАМКОВ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА

Изучение раннесредневековых замков Южного Узбекистана началось еще в 50-е годы, когда в связи с археологическими работами на новостройках исследовались замки Чаянтепа, Яхшибайтепа и др.¹ В дальнейшем с целью составления археологической карты области велось изучение ряда других памятников, в том числе замков Балалыктепа, Джумалактепа, Кулаглитепа (Зангтепа)² и др.

С 1977 г. ведутся археологические работы на раннесредневековых памятниках Южного Узбекистана, на территории бывшего Северного Тохаристана. За это время полностью раскопаны замки Куёвкурбан, Кучуктепа, а также замки на цитаделях Зартепа, Актепа и др.

Замок Кучуктепа³ находится в 8 км с.-з. городища Старого Термеза, на территории колхоза им. Ленина Термезского района. Замок возведен на 3-метровой квадратной платформе (26×26 м) из пахсовых блоков. На южном фасаде стены сохранились на высоту около 3 м, толщиной 1 м (рис. 1, 1). В стене устроены прямоугольные и стреловидные бойницы. Размеры стреловидных бойниц — 135—140×15 см, прямоугольных — 100×15 см; внутренняя высота — 40 см. Верхняя часть прямоугольных бойниц горизонтальная, нижняя постепенно понижается к наружной стороне (для удобства ведения боя при навесном обстреле). Во внутреннем коридоре вдоль наружной стены располагалась суфа, служившая одновременно стрелковой площадкой; ширина ее — 1,1 м, высота — 0,6—0,7 м. Бойницы в стене расположены на высоте 1 м от уровня стрелковой площадки. Стреловидные бойницы чередовались через две прямоугольные. На стрелковой площадке, в ее восточной половине, у двух (прямоугольной и стреловидной) бойниц, возведена дополнительная площадка длиной 2,55 м, шириной 0,65 м при высоте 0,55 м. Эти две бойницы были предназначены для стрельбы с колена, остальные — для стрельбы стоя. Расстояние между бойницами — 1,2—1,5 м. В середине стены находился арочный проход шириной 1,2 м при высоте 1 м. По имеющимся археологическим материалам Кучуктепа датируется V в., хотя оно обживалось и в предмонгольское время.

Замок Куёвкурбан расположен на территории колхоза «Кызыл Юлдуз» Ангорского района, в 300 м к востоку от городища Зартепа.

¹ Альбаум Л. И. Балалыктепа: К истории материальной культуры Северного Тохаристана. Ташкент, 1960; Его же. Археологические работы на территории Южно-Сурханского водохранилища//Общественные науки в Узбекистане. 1962. № 2.

² Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966. С. 140—176.

³ Аннаев Т. Д. Раскопки раннесредневековых поселений в Южном Узбекистане//Археологические открытия (АО) 1980 года, М., 1981. С. 446.

Раскопки показали, что он возведен на квадратной (20×20 м) платформе высотой 3,7 м из паховых блоков. Наружные стены имеют толщину 0,9—1,0 м. Выявленные остатки строений второго этажа не позволяют судить о его планировке. Кроме платформы и наружных стен, других элементов фортификации не выявлено. По многочисленным археологическим материалам замок датируется V в.⁴

Исследования на цитаделях Зартепа и Актепа показали, что они возведены на довольно мощных платформах (свыше 10 м), состоящих из культурных напластований предыдущих эпох. Подходы к замкам осуществлялись через перекидной мост. Замок на Зартепа со всех сторон окружен рвом. Замок на цитадели Актепа с восточной и южной сторон окружен рвом, а с других сторон он входил в систему укрепления этого поселения. Замок на Зартепа датируется V в., а на Актепа — VI в.

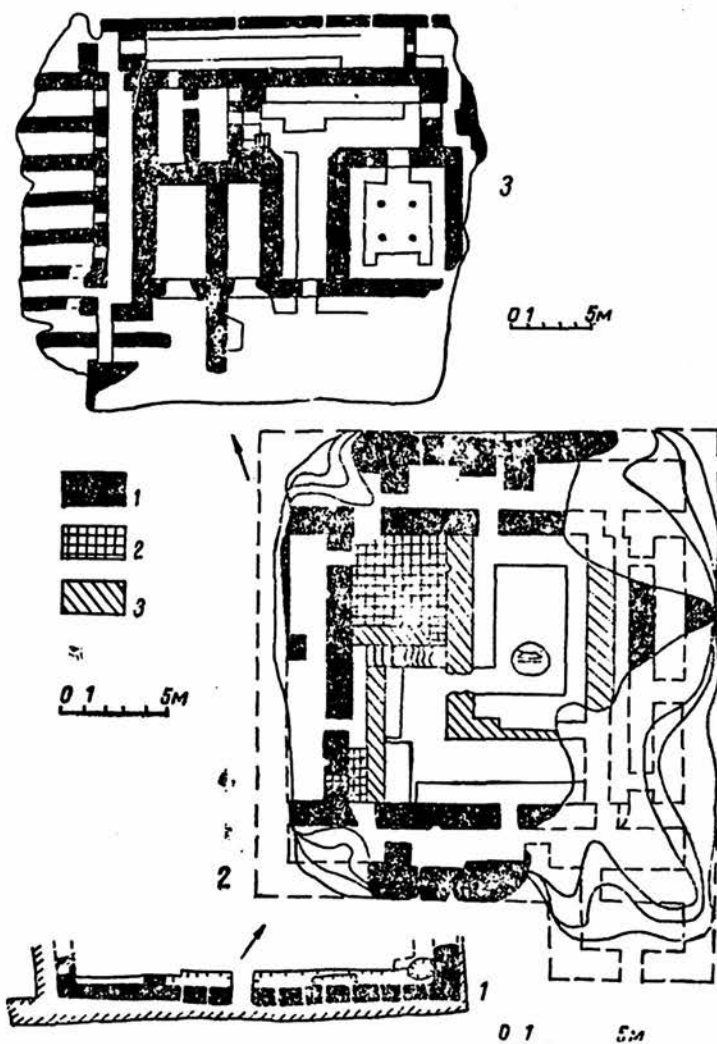


Рис. 1. Планы замков: 1—Кучуктепа (ю.-в. фасад), 2—Балалыктепа (по Л. И. Альбауму), 3—Джумалактепа (по В. А. Нильсену). Условные обозначения: 1—первый строительный период, 2—второй строительный период, 3—третий строительный период.

На ранее исследовавшихся замках Балалыктепа и Джумалактепа выявлены совершенные приемы фортификации замков области (рис. 1, 2, 3). Так, замок Балалыктепа возведен на 6-метровой квадратной платформе (30×30 м у основания), сооруженного из рядов пахсы. Судя по реконструкции Л. И. Альбаума, наружные стены (толщина 1,5 м) всех помещений были прорезаны бойницами (прямоугольные имели внутреннюю высоту 0,4 м, наружные — около 1 м при ширине 0,15 м). Верхняя грань бойниц горизонтальная, нижняя имеет уклон к наружной стороне стены⁵. Расстояние между бойницами — 1,35 м. Они были предназначены для стрельбы стоя. Замок со всех сторон окружен рвом, поэтому вход в него находился, как пола-

⁴ Аннаев Т. Дж. Архитектура усадьбы Куёвкурган//Строительство и архитектура Узбекистана. 1982. № 2. С. 24—25.

⁵ Альбаум Л. И. Балалыктепа. Ташкент, 1960. Рис. 91.

гает В. А. Нильсен, в помещении в ю.-в. углу здания, куда подходил перекидной мост⁶. Здесь установлено два строительных периода⁷, причем фортификационные элементы и во втором периоде остались без изменения.

Джумалактепа также воздвигнут на высокой глинобитной платформе⁸. На южном фасаде замка, в наружной его стене, сохранились прямоугольные бойницы (20×55 см). С внутренней стороны вдоль стены располагалась суфа — стрелковая площадка. Вход в замок располагался, по всей вероятности, с южной стороны. К сожалению, выявить планировку замка из-за разрушенности не представляется возможным.

Исследование рассмотренных замков позволяет выделить в них ряд элементов фортификации, присущих как замкам юга Узбекистана, так и всей Средней Азии. Все раннесредневековые замки возведены на платформе, составлявшей важнейший элемент фортификации. Придавая стенам монолитность и высоту, она тем самым предохраняла их от разрушающего влияния влаги. Цоколь платформы препятствовал возможности проведения подкопов и других действий, направленных на разрушение нижней части стен⁹. В период раннего средневековья, в отличие от предшествующих эпох, на платформах возводятся не только стены, но и замки, т. е. оборонительная роль платформы возрастает. Впрочем, эта тенденция имеет древние корни. Так, усадьба эпохи поздней бронзы и раннего железа Кучуктепа в исследуемой области размещена на 4-метровой платформе (именно с оборонительной целью)¹⁰.

Платформы замков Северного Тохаристана, как и всей Средней Азии, имеют два варианта: искусственные и естественные. Первый вариант, в свою очередь, делится на два вида: а) использование в качестве платформы слоев предыдущих эпох (замки на цитаделях Зартепа и Актепа, Яхшибайтепа, Батирабдтепа¹¹ и др.); б) специальное возведение платформы из паховых блоков с применением сырцовых кирпичей (Балалыктепа, Куёвкурбан, Джумалактепа, Кучуктепа, Курган в Старом Термезе¹², Чаянтепа и др.). Второй вариант: платформой служили естественные возвышения, труднодоступные обрывистые местности (замки Калаи-Боло¹³, Актепа в Ташкенте¹⁴, Фильмандар¹⁵, замок на горе Муг¹⁶, замки-крепости древнего Вахана¹⁷, Аультепа в Южном Согде¹⁸, Кайрагач и Курганча, а также Тепаи-Кургон в Фергане)¹⁹. В отличие от Северного Тохаристана, замки Ферганы возведены на естественных платформах, что наблюдается в основном в горных местностях. Строители умело выбирали горные естественные местности, удобные в фортификационном отношении и экономичные в строительстве.

Искусственные платформы замков широко распространены как в Южном Узбекистане, так и в Хорезме. В последнем сырьевым материалом служили песчаные барханы, закреплявшиеся наружной коркой из глины и обломков строительного кирпича, которые, цементируясь с песком, создавали прочный панцирь²⁰.

В уструшанском замке Чильхуджра сочетались оба варианта²¹.

Важным элементом фортификации замков были наружные рвы, которыми они обводились с одной, двух, трех или всех сторон. Ров, как и платформа, — древнейший элемент фортификации. В строительстве замков, как и в градостроительстве, рвы всегда выполняли оборонительные функции. При возведении платформ и самого замка сырье для строительства брали вокруг стройплощадки с таким расчетом, чтобы образовался довольно глубокий ров, который наполняли водой. Наружные рвы были первым серьезным препятствием для осаждающих. В подобные замки можно было войти только через перекидные мосты, устанавливаемые в наиболее

⁶ См. там же. С. 65.

⁷ Нильсен В. А. Указ. соч. С. 154—156.

⁸ Альбаум Л. И. Указ. соч. С. 114.

⁹ Нильсен В. А. Указ. соч. С. 141.

¹⁰ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979. С. 18.

¹¹ Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана: Автореф. канд. дис. Л., 1984. С. 13—14.

¹² Шишкин В. А. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза//Труды АН УзССР. Серия I: История, археология. Ташкент, 1945. С. 128—129.

¹³ Давидович Е. А. Раскопки замка Калаи-Боло (Из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг.)//Материалы и исследования по археологии (МИА). № 66. М.; Л., 1958. С. 100.

¹⁴ Воронина В. Л. Архитектура замка Актепе близ Ташкента по данным работ 1947 г.//Труды Института истории и археологии. Ташкент, 1948. I. С. 135.

¹⁵ Исаков А. Замок V в. в селении Фильмандар//Тезисы конфер. «Новейшие открытия советских археологов». Ч. II. Киев, 1975. С. 119.

¹⁶ Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг.//МИА. М.; Л., 1950. № 15. С. 24. (Труды ТАЭ; Т. I).

¹⁷ Бабаев А. Д. Крепости древнего Вахана. Душанбе, 1973.

¹⁸ Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарья (Узбекистан)//Советская археология. 1958. № 3.

¹⁹ Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. н. э. М., 1982. С. 19—23.

²⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 128—153.

²¹ Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе, 1975.

удобных, неуязвимых местах (замки на цитаделях Зартепа и Актепа, Балалыктепа и др.). Рвы в оборонительной системе замков прослеживаются на всей территории Средней Азии. В Фергане, например, усадьба Кайрагач окружена с северной и западной сторон естественным (река и сай), а с юга и востока — глубоким искусственным рвом. Усадьба Курганча также окружена с запада и востока естественным (овраг), а с севера — искусственным рвом²².

Третий элемент фортификации замков составляли их наружные стены. В отличие от оборонительных стен городов и поселений они одновременно выполняли функции торцовых стен помещений или обводных коридоров замка, хотя и не были столь мощными, как городские стены: обычно толщина их не превышала 2—3 м и даже не более 1 м.

С древнейших времен известен и такой важнейший элемент фортификации, как башни. Они обеспечивали фланговую оборону, фланкировали углы (замок Чильхуджра)²³, оформляли входы, ворота, а также возводились отдельно от замков, обеспечивая их наиболее надежную оборону (замок Таштемиртепа)²⁴. Угловые башни замков чаще всего имели форму квадрата или прямоугольника (замок в округе Баба-тепа, в Шерабаде²⁵, замок Фильмандар в Зарафшане²⁶, замок Тоштемиртепа в Уструшане²⁷).

На многих замках башни, однако, отсутствуют (прежде всего — замки на цитаделях Зартепа и Актепа, Куёвкурган, Балалыктепа, Джумалактепа, Кучуктепа, Курган в Старом Термезе, Чайнтепа, Яхшибайтепа, замок на горе Муг и др.). Там, видимо, не было необходимости особо усиливать оборону, поскольку мелкие рустакки оборонялись в основном от своих же соседей, и замки даже без башен вполне обеспечивали защиту в случае мелких междоусобиц.

Пятым элементом фортификации замков служили устроенные в стенах и башнях бойницы. Они имели прямоугольную и стреловидную форму, были прорезаны во всю толщину стен и башен, хотя имелись и ложные бойницы (для психологического воздействия на противника). Как уже отмечалось, бойницы Кучуктепа (прямоугольной и стреловидной формы) были предназначены для стрельбы стоя и с колена. На Джумалактепа бойницы прорезали одну фасадную сторону — северную, а на Кучуктепа — юго-восточную. Бойницы для стрельбы стоя обнаружены в Фильмандарском замке (они прорезали стену на высоте 1,3 м от пола, имеют высоту изнутри 0,3—0,48 м при ширине 0,19—0,26 м, а с наружи — высоту 1,25 м при ширине 0,18—0,20 м)²⁸.

Размещение бойниц в стенах второго этажа обеспечивало возможность навесного обстрела. Судя по изображению осады замка на Аниковском блюде, бойницы могли располагаться и в парапетах (зубчатых) на балконе замка²⁹. Аналогичный балкон имел и замок Кучуктепа, где арочный проход в центре ю.-в. фасада скорее всего вел на балкон.

Еще одним вероятным элементом фортификации замков являются, на наш взгляд, обводные коридоры, откуда, передвигаясь, оборонялись защитники замка. Это — продолжение традиции древних внутрстенных коридоров — стрелковых галерей. Обводные коридоры как элементы фортификации представлены в замке Балалыктепа (рис. 1, 2). Нами исследован замок Кучуктепа, где с одной фасадной стороны имеется коридор — стрелковая площадка в виде суфы. Аналогичная картина наблюдается в замке Джумалактепа (рис. 1, 3). Наличие ряда элементов фортификации в замках с одной фасадной стороны объясняется тем, что с других сторон они входили в систему укрепления поселения. Подобные замки отмечены Э. В. Ртвеладзе в Чаганиане (замок на Намазгатепе, Бульбультепа и Кокайтитепа)³⁰. Другой тип замков также имеется вокруг прилегающей территории, но они уже были надежно укреплены со всех сторон (Балалыктепа).

Так по мере накопления археологического материала представляется возможным выявить характерные черты раннесредневековой фортификации замков Южно-Узбекистана, а также ее локальные особенности в системе замковой архитектуры Среднеазиатского региона.

Ш. А. Рахманов, Т. Д. Аннаев

²² Брыкина Г. А. Указ. соч. С. 19—24.

²³ Пулатов У. П. Чильхуджра.

²⁴ Пулатов У. П. Раннесредневековый замок Таштемиртепа // АО—1975 г. М., 1976. С. 570.

²⁵ Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Маршрутные обследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 16.

²⁶ Исаков А. Замок V в. в селении Фильмандар... С. 11.

²⁷ Пулатов У. П. Раннесредневековый замок... С. 570.

²⁸ Исаков А. И. Фильмандарский замок // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1979.

²⁹ Нильсен В. А. Указ. соч. С. 195. Рис. 71.

³⁰ Ртвеладзе Э. В. К характеристике раннесредневековых памятников Чаганиана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 105—106. Рис. 2, 3 (в, г).

К ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ЗАПАДНОМ СОГДЕ

(Клад подражаний тетрадрахмам Евтидема из Бухары)

История денежного обращения в древней Средней Азии, в том числе в Западном Согде, — одна из тех проблем, которая продолжает привлекать внимание исследователей и вместе с тем остается еще одной из малоизученных в хронологическом и экономическом аспектах.

В этой связи представляет интерес хранящийся в фондах областного краеведческого музея Бухары пока неопубликованный вклад подражаний тетрадрахмам Евтидема. Согласно записи 1968 г. в инвентарной книге музея, часть монет — 25 экз. (№ 6734—6758) — была найдена в 1937 г. в Бухаре в канале Шахруд Леонтовым. Остальная часть была приобретена у Леонтова в том же году. В инвентарной книге монеты записаны отдельными группами: № 6734—6758 — 25 экз., № 6759—6770 — 12 экз., № 6771—6805 — 35 экз., № 6806—6814 — 9 экз., № 6815—6819 — 5 экз. Всего их должно было быть 86, но 12 экз. к настоящему времени утрачены.

По сведениям М. Е. Массона, в 1937 г. на тепа Мурда-Партоу, в 3—4 км к востоку от Бухары, был найден клад подражаний тетрадрахмам Евтидема, состоявший из 86 экз.¹ Вероятно, о том же кладе упоминает В. А. Шишкин². Клад подражаний тетрадрахмам Евтидема из Бухарского музея также первоначально состоял из 86 экз. Значит, не исключено, что это один и тот же клад, хотя ни М. Е. Массон, ни В. А. Шишкин не сообщают о дальнейшей судьбе клада из Мурда-Партоу.

Напомним, что первая публикация подражаний тетрадрахмам Евтидема относится к 1922 г.³ Они изданы рядом исследователей, в частности Аллотом де ла Фюе, предложившим их первоначальную классификацию и чтение легенд⁴. М. Е. Массон впервые связал чекан этих монет с Бухарским оазисом⁵. В. М. Массон издал редкий тип подражаний Евтидему с тамгой кангюйско-хорезмского типа⁶.

Определенный вклад в изучение этих монет внес Е. В. Зеймаль⁷. Ряд монет Британского музея изданы М. Митченером, но его исторические выводы, опирающиеся на устаревшие чтения согдийских легенд, и предложенная хронология весьма сомнительны⁸. В чтении и понимании легенд на этих монетах большая роль принадлежит В. Хеннингу и В. А. Лившицу⁹.

Исследователи выделяют две группы подражаний тетрадрахмам Евтидема:

I. Л. с. Голова царя в диадеме вправо.

О. с. Сидящий на омфале Геракл.

Эта группа включает несколько типов:

1 тип. С искаженной греческой легендой на оборотной стороне.

2 тип. С той же легендой и своеобразной тамгой, помещенной на месте монограммы, за омфалом.

3 тип. Со смешанной искаженной греческой и согдийской легендой (*MYRδ't* — по В. Хеннингу), помещенной справа и слева от Геракла.

4 тип. Только с круговой согдийской легендой *MR'Y* («государь») в сочетании с еще одним словом, чтение которого неясно.

II. Л. с. Голова царя в тиаре вправо, над головой лучистый нимб.

О. с. Стилизованная фигура Геракла, сидящего на омфале, в окружении согдийской легенды.

Эта группа однотипна, но включает ряд вариантов. Чтение легенд пока полностью не установлено — *MR'Y sw* («государь *sw*») (по В. Хеннингу, В. А. Лившицу).

Несмотря на довольно значительное число публикаций, в научной литературе еще нет ни одного исследования, посвященного кладам этих монет. Клад подражаний Евтидему из Бухарского музея, таким образом, является по существу уникальным нумизматическим памятником, имеющим исключительно важное значение для характеристики денежного обращения в Западном Согде.

По своему составу клад однороден — это серебряные, плоские с невысоким рельефом или выпукло-вогнутые (скифатные) монеты, относящиеся ко второй группе подражаний.

¹ Массон М. Е. Прошлое Бухары//Пионер Востока. 1940. 25 мая.

² Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 207.

³ Köhler H. Medalles grecques, Koins de la Bactriana etc. St.-Ptb., 1822. P. 5, 10—11. Pl. I. N 16.

⁴ Allote de la Fuye. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des skutreis voisines//Revue Numismatique. Paris, 1910, 1925, 1926.

⁵ Массон М. Е. Указ. статья.

⁶ Массон В. М. Древнесогдийская монета из собрания Музея истории АН УзССР//Труды Музея истории АН УзССР. Вып. 2. Ташкент, 1954. С. 87.

⁷ Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксаны по нумизматическим данным//Культура Востока: Древность и средневековье. М., 1978. С. 193.

⁸ Mitchiner M. The Early coinage of Central Asia. London, 1973. P. 44—45, 47. Pl. VI.

⁹ Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах//Вестник древней истории, 1964, № 3, С. 169.

По форме омфала, характеру начертания и расположению согдийских букв легенды среди этих монет можно выделить шесть вариантов.

1. На всех монетах над головой правителя — лучистый нимб. Омфал квадратный или трапециевидный, внутри него три точки, образующие треугольник вершиной вверх, на одной монете — вершиной вниз. Буквы легенды мелкие, тщательно выписанные (рис. 1, 1—2). 9 экз. Д=28 мм, В=9,4—10 г, средний вес=9,9 г.

2. Лучистый нимб имеется на шести монетах. Омфал трапециевидной формы, изредка с округленными углами. Вторая буква в легенде слева от фигуры Геракла теряет верхнюю часть, некоторые буквы перевернуты (рис. 1, 3). 19 экз. Д=26—29 мм, В=9,4—10,5 г, средний вес =9,7 г.

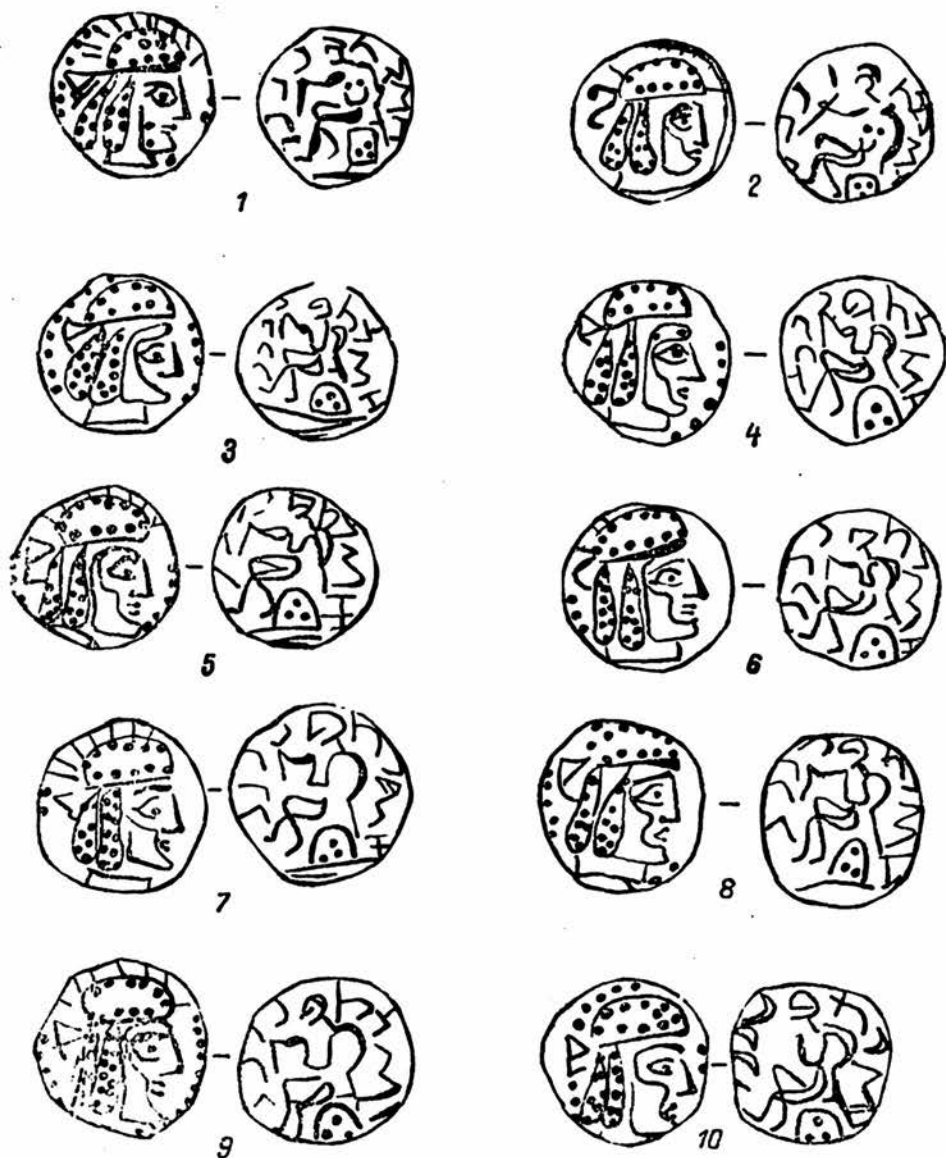


Рис. 1. Варианты монет из Бухарского клада подражаний тетрадрахам Евтидема.

3. Лучистый нимб — на двух монетах. Омфал высокий, крупный, вытянутый вверх или трапециевидный с округленными углами. Буквы несколько крупнее, чем на предыдущих вариантах, и растянуты вширь. 5 экз. Д=27—29 мм, В=9,3—10 г, средний вес =9,7 г (рис. 1, 4—5).

4. Лучистый нимб — на семи монетах, пять из них скифатные. Омфал овальный, вытянутый вверх, иногда крупный с заостренной или плоской вершиной, но в основном он становится более мелким. Последняя буква в легенде слева от фигуры Геракла не помещается на монетном кружке (рис. 1, 6). 11 экз. Д= 27—28 мм, В=9,4—10,4 г, средний вес =9,7 г.

5. Лучистый нимб — на 13 монетах, 11 из них скифатные. Буквы легенды крупные, вытянутые в ширину и расположены далеко друг от друга. В легенде слева от фигуры Геракла вторая буква видна частично. 19 экз. Д=25—30 мм, В=9,3—10,3 г, средний вес =9,7 г (рис. 1, 7—8).

6. Лучистый нимб имеется на семи монетах, пять из них скифатные. Буквы легенды вытянуты в ширину так, что для четвертой буквы не остается места. В легенде справа от фигуры Геракла верхняя часть букв за пределами поля монеты (рис. 1, 9—10). Омфал приобретает новую форму: он невысокий и широкий в основании; горизонтальная черта отсутствует (на монетах пятого варианта такая черта отсутствует лишь на 2 экз.). 11 экз. Д=26—31 мм, В=9,2—9,9 г, средний вес =9 г (см. табл. 1).

По отличию иконографических деталей и стилистическим особенностям букв легенд среди монет клада можно выделить 73 штемпеля. Две монеты биты одинаковыми штемпелями (4 и 5-й варианты). Для л. с. использовано 44 штемпеля, для о. с. — 73. Это указывает на интенсивность и продолжительность функционирования монетного двора (или нескольких монетных дворов?) в Бухарском регионе, что свидетельствует о довольно высоком уровне денежного обращения там во II—IV вв. н. э. Отсутствие в составе клада «иноземных» монет — показатель того, что потребность в монете в Западном Союзе в позднеантичное время была полностью обеспечена монетными эмиссиями — подражаниями тетрадрахам Евтидема второй группы.

Внутри каждого из вариантов колебания веса монет незначительны — 0,5 г, что, очевидно, говорит об устойчивом весовом стандарте. Весовой стандарт монет второй группы значительно отличается от классического античного стандарта, по которому, в частности, чеканились греко-бактрийские тетрадрахмы (падение веса составляет в среднем 6—7 г).

Таблица 1

Вес монет из Бухарского клада подражаний тетрадрахам Евтидема

Варианты	Вес, г
I	10,32; 9,83; 9,97; 9,98; 10,33; 9,90; 9,82; 9,46; 9,73
II	10,51; 10,29; 9,85; 10,52; 10,13; 9,40; 9,80; 9,90; 9,42; 9,52; 10,38; 9,30; 10,15; 9,40; 10,28; 9,78; 9,55; 9,80; 9,87
III	9,91; 9,72; 9,62; 10,0; 9,38
IV	9,43; 9,85; 9,82; 9,85; 10,40; 9,37; 10,18; 9,43; 9,93; 9,54; 10,33
V	9,31; 9,32; 9,85; 9,83; 9,95; 9,72; 9,90; 9,85; 9,53; 9,93; 9,37; 10,70; 9,41; 10,0; 9,75; 10,38; 9,90; 9,73; 9,70
VI	9,33; 9,50; 9,52; 9,40; 9,67; 9,98; 9,75; 9,46; 9,36; 9,20; 9,43

Довольно значительны весовые различия и между первой и второй группами — в среднем около 2—3 г. Очевидно, происходили дальнейшая редукция веса монет, уменьшение количества драгоценного металла в них и, вероятно, добавление различного рода лигатуры¹⁰. Вместе с тем подражания тетрадрахам Евтидема второй группы отличаются в общем устойчивым весовым стандартом.

Е. В. Зеймаль считает, что «варварские» подражания принимались не по стоимости, а по условному курсу, т. е. единицей расчета был сам монетный кружок, вне зависимости от содержания в нем драгоценного металла¹¹. Это предположение, основанное на выявленной закономерности падения веса в различных группах «варварских» подражаний, не лишено оснований, но все же нельзя не отметить устойчивость весового стандарта подражаний тетрадрахам Евтидема второй группы, что позволяет предполагать и возможность их стоимостного обращения.

Хронология подражаний тетрадрахам Евтидема второй группы разработана еще недостаточно хорошо. В. А. Лившиц отмечал, что палеография букв на них близка к согдийско-самаркандскому письму, известному по письменным памятникам, начиная с IV в. н. э.¹²

По мнению Е. В. Зеймалю, которое мы разделяем, монеты этой серии можно датировать в пределах II — начала или середины IV в. н. э.¹³

Шесть вариантов монет, выделенных нами в составе клада, вероятно, соответствуют различным хронологическим периодам. Так, первый вариант с квадратным омфалом, близким по форме омфалам на монетах первой группы, видимо, наиболее ранний и может быть датирован II—III вв. н. э. Соответственно другие варианты этих монет, демонстрирующие последовательное изменение формы омфала и букв

¹⁰ К сожалению, определение состава металла этих монет до сих пор не проведено.

¹¹ Зеймаль Е. В. Указ. статья. С. 193.

¹² Лившиц В. А., Луконин В. Г. Указ. статья. С. 169.

¹³ Зеймаль Е. В. Указ. статья. С. 193.

легенды, должны быть отнесены к III—IV вв. н. э. Следует отметить, что монеты четвертого и пятого вариантов имеют ярко выраженную скифатность, что также указывает на их более позднюю, по сравнению с первым вариантом, чеканку.

Предложенный вариант деления монет западно-согдийского чекана по типу тетрадрахм Евтидема нельзя считать окончательным. Последующие находки таких монет и их анализ позволят выделить новые варианты и установить время чеканки и ареал их обращения.

Время зарытия клада может быть определено весьма приблизительно, поскольку в его составе нет точно датированных монет. Самые поздние экземпляры относятся к IV в. н. э., следовательно, клад мог быть зарыт тогда или несколько позже.

Это время в истории Средней Азии характеризуется важными изменениями в социально-экономической жизни и беспокойной политической обстановкой, связанной с распадом крупных государств и значительными передвижениями кочевых народов (кидаритов, хионитов, хуннов, эфталитов).

Возможно, одна из этих причин и заставила владельца клада, достаточно большого по тому времени богатства, упрятать его до лучших времен.

Э. Ртвеладзе, А. Мусакаева

ИСТОРИОГРАФИЯ

К ИСТОРИОГРАФИИ АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ (60—80-е ГОДЫ)

В Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС подчеркивается, «что социализм освободил женщину от экономического и социального угнетения, создал ей равные с мужчиной возможности трудиться, получать образование, участвовать в общественной жизни»¹. Советское государство, заботясь о женщине — труженице и матери, стремится предоставить ей все большие возможности для плодотворного сочетания творческого труда и счастливого материнства. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г., утвержденные XXVII съездом КПСС, ставят задачу расширения помощи семьям, имеющим детей, улучшения условий труда и быта женщин. Будет увеличена продолжительность частично оплачиваемого отпуска женщинам-матерям по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, с одновременным предоставлением права на дополнительный неоплачиваемый отпуск сроком до 6 месяцев, увеличится и продолжительность дородового отпуска, а также оплачиваемого отпуска по уходу за больным ребенком и др.² В новой редакции Программы КПСС указано, что положение женщин, его дальнейшее улучшение — предмет постоянной заботы партии. «С этой целью, — говорится в Программе, — будут создаваться благоприятные условия для сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой и общественной деятельности»³.

В связи с этим партийные органы, общественные организации, наши ученые продолжают вести поиск наилучших форм и путей обеспечения более полного участия женщин в общественной и производственной жизни. Одной из важнейших задач является духовное воспитание женщин и как неотъемлемая его часть — воспитание их в духе атеистического, научно-материалистического мировоззрения. Атеистическая пропаганда среди женщин тем более важна, что женщина-мать оказывает огромное влияние на формирование мировоззрения своего ребенка

О значимости борьбы с влиянием религии на трудящихся, их атеистическом воспитании как одной из важнейших форм идеологической работы говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, на XVI пленуме ЦК КПУз (апрель 1984 г.). XXI съезд Компартии Узбекистана еще раз подчеркнул, что одной из серьезных проблем, стоящих перед партийными организациями республики, является усиление антирелигиозной пропаганды и атеистического воспитания масс. Как отмечалось на съезде, «следует постоянно помнить, что религия расчищает путь национализму и шовинизму, выступает как огромный тормоз общественного, экономического и социального развития, утверждения социалистического образа жизни, коммунистической нравственности. В религиозных пережитках, отсталых обычаях и нравах тесно сплелись сопротивление переменам в нашей жизни, мелкобуржуазная стихия и частнособственническая психология, множество негативных явлений»⁴.

Из этих указаний вытекает настоятельная необходимость усиления научно-исследовательской работы в указанном направлении.

Напомним, что в Средней Азии отдельные публикации, специально посвященные атеистическому воспитанию женщин, стали появляться еще в конце 50 — начале 60-х годов. Это были небольшие книги, брошюры, в которых раскрывалась суть исламских догм, оправдывавших неравноправное положение женщин в семье и быту, говорилось о законах Советского государства, освободивших женщин Совет-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 51.

² Там же. С. 312.

³ Там же. С. 154.

⁴ Правда Востока, 1985. 31 янв.

ского Востока и предоставивших им возможность работать и жить наравне с мужчинами. В частности, С. Темурова⁵ в своей публикации одной из причин религиозности части женщин называла медленное проникновение культуры в их сознание и быт. В брошюрах Х. Сулеймановой⁶ и Г. Шаюсуповой⁷ была показана степень религиозности женщин в Узбекистане, отмечались факты исполнения ими вредных религиозных обрядов. Авторы раскрывали суть советских законов о правах женщин, противопоставляли их религиозным нормам шариата, рассказывали об условиях, созданных для их счастливого материнства, учебы, работы. Однако в этих публикациях не освещены конкретные пути борьбы с религиозностью среди женщин, не говорилось о том, как ведется атеистическая пропаганда, какие формы она имела тогда, и т. п.

Определенную ценность для историографии вопроса представляет книга А. Джалилова, в которой он осветил краткую историю возникновения ислама и разоблачил его реакционную сущность по отношению к женщине⁸.

Если в названных трудах авторы ограничивались в основном критикой религии ислама, ее отношения к женщине и приводили советские законы, высоко поднявшие роль женщин в жизни советского общества, то последующие работы основаны уже непосредственно на обследованиях, опросах и анкетировании среди женской части населения. Среди них в первую очередь следует отметить публикацию М. Г. Вагабова «Ислам и женщина»⁹. На большом конкретном материале по республикам Советского Востока автор проанализировал наиболее характерные формы и особенности проявления пережитков ислама в отношении к женщине, сохранившихся в различных сферах общественной, семейной жизни и быту. М. Г. Вагабов показал, что соблюдение религиозных обрядов и праздников происходит главным образом в сельских местностях, причем абсолютное большинство верующих женщин не имеют ясного представления о догматах ислама. Они соблюдают отдельные религиозные ритуалы по привычке, традиции, под влиянием верующих. Уделив большое внимание обобщению опыта атеистической работы среди женщин, автор писал, что главным и закономерным путем преодоления религиозности является вовлечение женщин в общественное производство. Большое значение автор придает роли клубов, женсоветов в атеистической пропаганде. Однако спорным представляется общий вывод о том, что культурный уровень женщин ниже, чем мужчин. Здесь следует учитывать различные слои населения и особенности развития каждой республики. М. Г. Вагабов же делает этот вывод, исходя из статистических данных только по Дагестану.

Наиболее компетентным исследованием мы считаем книгу Р. М. Маджидова¹⁰, написанную на материалах Таджикистана и частично Узбекистана. Вопрос о преодолении религиозности женщин автор рассматривает в тесной связи с историей их раскрепощения. «Худжум» впервые исследуется в аспекте борьбы с религиозными предрассудками, как форма атеистического воспитания женщин. Рассказывая об этом, автор привел большое количество материалов периодической печати 20—30-х годов. В частности, статьи первых женских журналов «Янги юл» в Узбекистане, «Бо рохи Ленини» («Ленинским путем») в Таджикистане свидетельствуют о том, что в эти годы в республиках была широко развернута борьба с религиозными, феодально-байскими пережитками. Автор подчеркивает исключительную роль печати в формировании научно-материалистического, атеистического мировоззрения женщин. Основываясь на этих материалах, Р. М. Маджидов утверждает, что конкретные атеистические мероприятия среди женщин в Таджикистане начали проводиться с начала 30-х годов. Хотелось бы подчеркнуть, что, вообще говоря, антирелигиозная пропаганда среди населения Советского Востока проводилась с первых же лет Советской власти. Борьба с религией, ее влиянием на женские массы была одной из неотложных задач, ее приходилось решать в тесной связи с общей агитационно-пропагандистской работой и ликвидацией неграмотности масс; без решения данной проблемы нельзя было обеспечить широкое вовлечение женщин в народное хозяйство, общественно-политическую и культурную жизнь страны. Мероприятия партии по раскрепощению женщин в 20-е годы (отмена калыма, запрещение многоженства, выдачи замуж малолетних и др.) были мощным ударом по религии.

Р. М. Маджидов, к сожалению, слишком кратко осветил роль Союза воинствующих безбожников и не привел цифровые данные о численности его членов в Таджикистане. Между тем роль СВБ в антирелигиозной пропаганде, атеистическом воспитании трудящихся была весьма велика. В Узбекистане, например, в 1928 г. в «Курящан худасъзляре» (узбекское название Союза) состояло 3500 женщин, а в 1931 г. — уже 27 000. В антирелигиозных кружках насчитывалось до 80% женщин коренной национальности. Почти на всех предприятиях имелись ячейки СВБ.

⁵ Темурова С. Борьба с религиозными пережитками и предрассудками среди женщин. Ташкент, 1959. 31 с. На узб. яз.

⁶ Сулайманова Х. Религия — враг раскрепощения женщин. Ташкент, 1964. 29 с. На узб. яз.

⁷ Шаюсупова Г. Религия и женщины. Ташкент, 1960. 59 с. На узб. яз.

⁸ Джалилов А. Из истории положения женщин Средней Азии до и после распространения ислама. Душанбе, 1974. 44 с.

⁹ Вагабов М. Г. Ислам и женщина. М., 1968. 230 с.

¹⁰ Маджидов Р. М. Особенности формирования научно-атеистического мировоззрения женщин. Душанбе, 1977. 85 с.

На предприятиях Ташкента вели работу 17 антирелигиозных кружков при жен-уголках. Только в одном клубе Октябрьского района 60 узбеков готовились в таком кружке стать организаторами антирелигиозной пропаганды¹¹.

Большое внимание в работе уделено задачам атеистического воспитания женщин в условиях развитого социализма. Проведенное автором анкетирование позволило ему сделать выводы о бытовании еще калыма, некоего культа мужчин, особенно в сельских семьях, соблюдении женских религиозных обрядов и т. д. При этом Р. М. Маджидов критиковал уловки религиозных деятелей, трактующих калым и обрезание не только как религиозную, исламскую, но и как якобы «исконно национальную традицию» таджиков и узбеков, а также модернистские манипуляции духовенства, заключающиеся, в частности, в проповедях «хорошего» отношения к женщине.

К субъективным факторам сохранения пережитков религиозности женщин автор относит недостатки атеистического воспитания, упущения в деятельности культурно-просветительских и других учреждений. Одним из путей выявления степени религиозности населения Р. М. Маджидов считал усиление социологических исследований по линии республиканского филиала Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС и подчеркивал необходимость широкой пропаганды и внедрения в быт новых советских обрядов и праздников, усиления в этом направлении работы комиссий при исполкомах, более широкого выступления именно женщин с публикацией атеистических статей в периодической печати. Вместе с тем следует отметить отсутствие в книге Р. М. Маджидова сведений по трактуемому вопросу за 40—60-е годы.

В публикациях последних лет авторы стремятся делать выводы из собственных наблюдений. К числу таких работ относится и книга Ж. Б. Базарбаева «Опыт социологического изучения атеизма и религии», где в специальном разделе рассматривается вопрос о влиянии религиозных пережитков на женщин¹². Приводя результаты анкетирования и опроса работников совхозов и колхозов Кегейлийского и Амударьинского районов ККАССР в 1977—1978 гг., автор обращает внимание на относительно высокую религиозность сельских женщин-каракалпачек. Одну из основных причин этого он видит в слабом вовлечении их в производственную и общественную жизнь. В частности, он отмечает, что должности бригадиров, табельщиков и др. там занимали исключительно мужчины. В то же время на самых трудоемких участках — на очистке полей от сорняков, уборке хлопка и т. д. — были заняты женщины. Нередки и случаи отрыва девушек от учебы.

Однако работа Ж. Б. Базарбаева, на наш взгляд, односторонне освещает исследуемый вопрос. Книга содержит много фактов о негативных явлениях, но не показывает, какую работу проводят партийные и общественные организации республики по атеистическому воспитанию женщин, не дает никаких рекомендаций на этот счет, хотя в названии раздела «Влияние религиозных пережитков на женщин и вопросы научно-атеистического воспитания» автор, казалось бы, ставит такую задачу.

О том, как ведется работа среди женщин Каракалпакии в этом направлении в последнее время, можно почерпнуть определенные сведения из статьи Т. Изимбетова¹³. Значительный сдвиг в этой работе произошел после проведения собрания партийного актива автономной республики в 1982 г., принявшего решение об усилении атеистического воспитания масс, улучшении работы областной партийной организации в этом плане и повсеместном внедрении новых традиций и обрядов в быт трудящихся. Автор приводит немало примеров успешной работы комиссий по внедрению новых обрядов, созданных во всех районах Каракалпакии. Вместе с тем, отмечает Т. Изимбетов, достигнутые успехи вовсе не означают, что негативных явлений уже нет. Одно из них — живучесть калыма. Он пишет: «Приходится констатировать, к сожалению, что есть среди зачинщиков калыма люди, вполне современные, родившиеся и выросшие при Советской власти, и даже ответственные работники»¹⁴.

На наш взгляд, беспочвенно мнение Т. Изимбетова о том, что для искоренения этого вредного обычая необходимы решительные меры не только пропагандистского, но и законодательного характера. Как известно, в Уголовном кодексе Узбекской ССР нет статьи, устанавливающей ответственность за взимание калыма. Т. Изимбетов считает, что сила закона поможет эффективнее бороться с этим негативным явлением.

Среди туркменистанских исследователей данного вопроса следует назвать О. Пальванову, в книге которой на конкретных материалах промышленных предприятий Туркменской ССР проанализирована роль коллектива в преодолении религиозных пережитков среди женщин¹⁵.

¹¹ Правда Востока. 1931. 8 марта; Макаров К. Отчетный доклад о деятельности Республиканской организации Союза «Курящая худасызляр» Узбекистана (СВБ УзССР) за 1930—31 г. Ташкент, 1931. С. 13.

¹² Базарбаев Ж. Б. Опыт социологического изучения атеизма и религии. Нукус. 1979. С. 115—123.

¹³ Изимбетов Т. Ислам и национальные традиции, обряды и обычаи // Коммунист Узбекистана. 1984. № 9. С. 70—76.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Пальванова О. Роль трудового коллектива в преодолении религиозных пережитков среди женщин. Ашхабад, 1983. 52 с.

Как известно, огромное значение для формирования атеистического мировоззрения женщин имеет трудовой коллектив, в котором они находятся большую часть своего времени. Автор подчеркивает, что прежде всего именно здесь происходит сложный процесс воспитания личности, приобщающий ее к ценностям социалистической культуры, формируется отношение человека к жизни, обществу. Нельзя не согласиться с О. Пальвановой в том, что трудовой коллектив имеет самые широкие возможности для атеистического воспитания его членов. Опираясь на анкетные обследования на ряде предприятий Ашхабада, где основной контингент составляют женщины-туркменки, автор делает попытку определить общий уровень религиозности женщин, выявить связь религиозности с их возрастным и образовательным уровнем. Анализ показал, что значительная степень религиозности отмечается среди работниц пожилого возраста, среди молодых (18—30 лет) верующих почти нет.

О. Пальванова обращает внимание на наличие еще большого количества лиц, индифферентных (особенно среди молодежи) к вопросам религии и атеизма. Озабоченность автора этим явлением представляется нам вполне обоснованной, ибо индифферентность в этом вопросе служит почвой для сохранения религиозных предрассудков, и с этим надо бороться в первую очередь. Говоря о необходимости улучшения атеистической работы в трудовых коллективах, О. Пальванова охарактеризовала задачи атеистической пропаганды среди женщин, включая, в частности, индивидуальные беседы с верующими, создание постоянно действующего семинара по научному атеизму на предприятиях, и предложила использовать соответствующий опыт работы партийных организаций Ивановского камвольного комбината имени В. И. Ленина, Могилевского автозавода имени С. М. Кирова и др.

Уделяя большое внимание роли обрядов и традиций в жизни женщин, автор пишет, что «неправильно считать соблюдение религиозной обрядности просто механическим обрядом без идейной основы. Следует помнить, что соблюдение религиозного обряда и праздника несет в себе определенный заряд религиозности в массы»¹⁶. Это высказывание, на наш взгляд, вполне злободневно. Ведь до сих пор известны случаи отправления религиозных обрядов под видом «национальных обычаев». Об этом говорилось на XVI пленуме ЦК КПУз. Известно что В. И. Ленин крайне отрицательно относился к любым фактам примиренческого или безразличного отношения к религии. В 1919 г. он писал: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах»¹⁷. Следовательно, участие в обрядах по каким бы то ни было мотивам надо считать явлением, не совместимым с принципом коммунистической партийности.

Э. И. Мартынова в книге «Формирование духовного мира женщины»¹⁸ подчеркивает, что атеистическое воспитание — это неотъемлемое требование формирования духовного мира женщин. В книге приводятся примеры, наглядно, отражающие формы атеистической пропаганды, в том числе в республиках Средней Азии, в частности в Узбекистане. Одной из действенных форм автор считает антирелигиозную работу по месту жительства. Это положение подтверждает и статья Х. Назарова «Атеистическая пропаганда по месту жительства»¹⁹, где приводится пример такой работы, проводимой Снабским райкомом партии г. Самарканда. Совместно с активистами здесь практикуются разнообразные формы антирелигиозной пропаганды в махаллях, в том числе среди женщин. Вместе с тем Х. Назаров пишет: «Еще не все партийные организации используют в полной мере разнообразие форм и методов воспитания убежденных атеистов, не всегда уделяют должное внимание дифференцированному подходу к различным группам населения, индивидуальной работе с верующими. Подчас еще слабо ведется атеистическое воспитание в семье и школе. Кое-где просто не знают, как вести научно-атеистическую работу, неправильно подходят к ее организации»²⁰. Действительно, порой систематическая атеистическая пропаганда подменяется разовым, эпизодическим мероприятием, приуроченным к каким-нибудь религиозным праздникам. Несомненно, прав Х. Назаров, что это снижает эффективность атеистического воспитания.

Усиление работы в этом направлении за последнее время способствовало созданию в 1985 г. в Узбекистане Республиканского Совета по совершенствованию советского образа жизни на базе пропаганды, внедрения и развития прогрессивных традиций, обрядов и ритуалов. Сеть таких Советов организована при обкомах, горкомах, райкомах партии, ведомствах, учреждениях, предприятиях, учебных заведениях и по месту жительства. В составе Совета есть комиссия по работе среди женщин, которая занимается и атеистической пропагандой.

Не оставлен без внимания данный вопрос и в сборниках статей, таких, как «Ислам в СССР», «В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах». В небольших статьях предпринята

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 330.

¹⁸ Мартынова Э. И. Формирование духовного мира женщины. Красноярск, 1983.

¹⁹ Назаров Х. Атеистическая пропаганда по месту жительства//Партийная жизнь. 1984. № 4. С. 76—78.

²⁰ Там же. С. 78.

попытка обобщить опыт КПСС по атеистическому воспитанию женщин на примере Среднеазиатского региона²¹.

Таким образом, исследователи рассматривают данный вопрос в тесной связи со всей идеологической работой Коммунистической партии. Отличительная черта этих публикаций, особенно вышедших за последнее десятилетие, — в их поисковости. Так, Э. И. Мартынова выдвигает на первый план необходимость создания единого общесоюзного женсовета, который курировал бы всю идеологическую работу среди женщин. М. Г. Вагабов считает, что надо использовать опыт женсоветов и даже возродить их с целью усиления атеистической работы среди женщин. Г. М. Маджидов и О. Пальванова едины в мнении о необходимости использования опыта индивидуальной работы, накопленного в 20—30-е годы, когда женорганизаторы ходили по домам и беседовали с женщинами. Правомерность этих предложений подтверждается в Отчетном докладе ЦК КПУз XXI съезду Компартии Узбекистана, где говорилось о том, что необходимо рационально использовать накопленный в прошлом опыт работы среди женщин.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС говорил: «Почему бы не возродить советы женщин в трудовых коллективах, по месту жительства, объединив их в единую систему во главе с Комитетом советских женщин. Женсоветы могли бы оказывать серьезное воздействие на решение широкого круга социальных вопросов жизни нашего общества»²². В докладе подчеркивалось, что индивидуальная работа — важнейшая форма воспитания трудящихся. Это непосредственно касается и атеистического воспитания женщин. Максимальная конкретность в таком важном деле должна принести хорошие результаты.

Исследования вопроса «Ислам и женщина» бесспорно способствовали и будут способствовать улучшению форм и методов научно-атеистического воспитания женщин, особенно молодежи, активизации идейной борьбы с религией. Поэтому необходимо отметить, что исторический опыт Компартий среднеазиатских республик по атеистическому воспитанию женщин остается еще недостаточно изученным. До сих пор нет специального исследования, посвященного анализу и выявлению особенностей сложного процесса формирования научно-материалистического, атеистического мировоззрения женщин в условиях перехода к социализму, минуя капитализм, на конкретных материалах республик Средней Азии. Немаловажное значение имеет и изучение современных форм борьбы с религиозностью женщин. В новой редакции Программы КПСС сказано: «Партия использует средства идейного воздействия для широкого распространения научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков...»²³

Освещение работы партийных органов в этом направлении, ее форм и методов в современных условиях, особенно в республиках Средней Азии, крайне необходимо. Между тем у нас нет еще специальных трудов, посвященных глубокому анализу степени религиозности женщин местных национальностей и состояния атеистической пропаганды в новых условиях, в которых выдвигались бы новые, результативные формы антирелигиозной пропаганды. Хотя республиканские журналы «Коммунист Узбекистана», «Партийная жизнь», «Агитатор Узбекистана» и другие уделяют этим вопросам немало внимания, публикуя статьи по этой теме, все-таки в историографии атеистического воспитания женщин имеется еще немало пробелов. Думается, что такие исследования позволили бы улучшить постановку конкретных направлений идеологической работы среди женщин.

Освещение этого вопроса остается и одной из главных задач женских журналов. Однако журнал «Саодат» за последние два года поместил на своих страницах всего одну статью на тему атеистического воспитания²⁴. Было бы небесполезным освещение в журнале состояния антирелигиозной пропаганды по областям республики. Мы пока не располагаем достаточным количеством лекторов, пропагандистов по научному атеизму из женщин местных национальностей; не организована индивидуальная работа с верующими. Создание женских клубов, кружков на предприятиях, в колхозах, совхозах, где велась бы работа по выявлению и устранению религиозного влияния на женщин, улучшение деятельности филиалов Республиканского дома атеистов во всех областях Узбекистана также стало бы действенным фактором в пропаганде атеистических знаний среди женщин.

Решение этих и других вопросов атеистического воспитания женщин — актуальная задача и исследователей-обществоведов, и практиков — агитаторов, пропагандистов научного атеизма как важного фактора коммунистического воспитания масс.

Д. А. Алимова

²¹ См.: Социальное раскрепощение женщин Советского Востока — решающий фактор их духовно-нравственного освобождения // Ислам в СССР. М., 1983. С. 55—66; Гафурова М. О. О преодолении пережитков прошлого в сознании женщин Советского Востока // В. И. Ленин о роли женщин в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972. С. 363—368.

²² Материалы XXVII съезда КПСС. С. 52.

²³ Там же. С. 165.

²⁴ Холматова М. Действительно ли святы «святыя места» // Саодат. 1985. № 2. С. 25—27.

КРИТИКА АРАБСКИМИ УЧЕНЫМИ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ О ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ НАРОДОВ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

В наши дни обретает особую актуальность положение В. И. Ленина: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹.

В нашей стране бережно хранится и изучается богатейшее наследие прошлого всех народов, в том числе народов Средней Азии. Так, в последние годы в среднеазиатских республиках широко отмечались юбилей выдающихся деятелей прошлого — Ибн Сины, Беруни, Фараби, Хорезми, Улугбека, а недавно праздновалось 500-летие шедевра узбекской литературы — «Пятерницы» Алишера Навои. Это начисто опровергает домыслы буржуазных фальсификаторов о некой «русификации», «забвении национальных традиций» и проч.

Борьба против домыслов буржуазных фальсификаторов актуальна и для прогрессивных арабских ученых, особенно философов-марксистов. В своем отношении к наследию минувших эпох они руководствуются такими целями, как борьба против использования его консервативными эксплуататорскими силами внутри региона и силами империализма на международной арене, а также против европоцентризма буржуазной науки Запада.

К числу арабских марксистов, разрабатывающих проблемы философского наследия, относятся, например, член ЦК Ливанской коммунистической партии, главный редактор журнала «Ат-Тарик» («Путь») Х. Мрувве, М. А. аль-Алим, Э. Тума, Т. Саллум, Т. Тизини, Н. Баллуз, Х. аль-Алуси, Г. Хальса, Х. аль-Алави и др. Большим вкладом в арабскую литературу об идейном наследии явилось двухтомное исследование Хусейна Мрувве «Материалистические тенденции в арабо-мусульманской философии», ставшее крупным событием в культурной жизни арабского мира конца 70-х годов. По словам автора, в процессе написания этого труда он поднялся на более высокий уровень своей исследовательской деятельности в новом прочтении арабо-мусульманского идейного наследия². Резонанс, вызванный данной публикацией, был очень велик. До 1986 г. эта работа выдержала пять изданий, повлекла за собой рецензии, обсуждения на страницах печати, на конференциях, встречах и т. п.

Работы профессора философского отделения Дамасского университета Таййиба Тизини «Проект нового взгляда на средневековую арабскую мысль» и «От наследия к революции» (первый том — методологическое введение планируемого 12-томного сочинения по истории арабо-мусульманской мысли с древнейших времен до наших дней) также послужили поводом для широкого обмена мнениями среди арабских ученых-марксистов по методологическим вопросам изучения духовного наследия, в первую очередь материалистических традиций философии стран Ближнего и Среднего Востока.

Проблема «исламского наследия», по единодушному мнению арабских марксистов, — «не проблема прошлого как такового», а «проблема самого настоящего»³, проблема «актуального идеологического и политического значения»⁴, которая должна рассматриваться в рамках «революционной стратегии революционной политической партии»⁵. Ныне «решение главных проблем современной мысли стало невоз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 337.

² مروّ حسين. تراثنا: كيف نعرفه؟ — بيروت: مؤسّسة الابحاث العربية. ۱۹۸۵. ص ۳۷۸. (Мрувве Х. Наше наследие: как можно его определять? Бейрут: Муассасат аль-абхас аль-арабийя, 1985. С. 378).

³ مروّ حسين. النزعات المادية في الفلسفة العربية الاسلامية — بيروت: دار الفارابي، ۱۹۸۵، الطبعة الخامسة، الجزء الاول، ص ۲۳۰. (Мрувве Х. Материалистические тенденции в арабо-мусульманской философии. Изд. 5-е. Т. 1. Бейрут: Дар аль-Фараби, 1985. С. 23).

⁴ بلوزن. وقفة مع كتاب «النزعات المادية في الفلسفة العربية الاسلامية» — بيروت: التراث كسبية و التراث العربي الاسلامي. بيروت: دار الفارابي، الطبعة الثانية، ۱۹۸۲، ص ۱۶۶ — ۲۰۹. (Баллуз Н. О книге «Материалистические тенденции в арабо-мусульманской философии» // Марксизм и арабо-мусульманское наследие. 2-е изд. Бейрут: Дар аль-Фараби, 1982. С. 166—209).

⁵ تيزيني طيب. من التراث الى الثورة — بيروت: دار ابن خلدون ۳۸۳. (Тизини Т. Он наследия к революции. 2-е изд. Бейрут: Дар Ибн Хальдун, 1978. С. 383).

можным без учета идеологической основы. Если буржуазная арабская мысль в атмосфере качественных, революционных изменений внутри арабского национально-освободительного движения пытается решить проблему философского наследия со свойственной ей идеологической позиции, то наступило время и для арабской революционной мысли предложить решение проблемы с позиций своей революционной идеологии, идеологии социальных классов и групп, находящихся в лагере, который противостоит лагерю правой реакционной буржуазии...»⁶ Ведь даже традиционалисты, мысли которых обращены всецело к прошлому, и те, исходя из требований сегодняшней обстановки на Арабском Востоке, дают свое толкование духовному наследию, представляющее собой «буржуазную реакцию на западные расистские теории»⁷.

Определяя отношение западных востоковедов к наследию арабо-мусульманской философии, Г. Хальса указывает, что большинство этих исследователей рассматривало ее «как простое повторение греческой, персидской, индийской» мысли или, в лучшем случае, «как попытку примирения философии других народов с мусульманской религией»⁸.

По мнению сирийского марксиста Т. Саллума, в основу европоцентризма положен «абсолютный дуализм Восток—Запад, созданный издавна европейцами», причем «идет прославление Запада и умалется культурное значение Востока»⁹. В противопоставлении «традиционный—современный» «традиционному обществу придали все отрицательные черты, вошедшие в общественное сознание европейцев, в дуализме Восток—Запад Восток—традиционный, Запад—современный»¹⁰.

Как показывает Х. Мрувве, французский востоковед Э. Ренан в отношении арабской философии явился одним из последовательных теоретиков европоцентризма. В книге «Аверроэс и аверроизм» он утверждал, что арабская философия была лишь механическим перенесением греческой философии на Восток. Создатели ее: Фараби, Ибн Сина, Ибн Туфейль и др.—происходили из отдаленных от Аравийского полуострова городов исламской империи, таких, как Самарканд, Бухара, Кордова. Эта философия была изложена по-арабски, потому что этот язык был тогда языком науки и религии во всех исламских странах.

Т. Тизини отмечает, что в концепции Ренана семитская раса «не способна к рационалистическому мышлению и что философия рассматривается им как элемент, чуждый для природы арабской мысли»¹¹.

Касаясь различных подходов к философскому наследию, Тизини пишет, что это «часть стратегии культурного колониализма, направленного против арабской родины, особенно с возникновением Израиля и палестинской проблемы в пятидесятые годы этого столетия»¹². Особо подчеркивая важность уяснения и доказательства закона взаимодействия внутренних и внешних противоречий (при преобладающей роли внутренних) в разоблачении европоцентристов, Тизини отмечает, что «согласно этому закону, каждое общество взаимодействует с другим обществом, испытывая при этом его влияние и воздействуя на него, исходя из своих основных внутренних потребностей и своей внутренней, социально-экономической, национальной, этнической и культурной структуры»¹³.

Тизини, критикуя учение Шпенглера о «закрытых самостоятельных культурах», пишет, что это учение в корне отрицает внешнее влияние на культуру. Сирийский ученый утверждает, что влияние элементов одной культуры на другую определяется прежде всего возникшей у носителей данной культуры внутренней потребностью¹⁴. Тизини делает вывод, что греческая культура, выступая первоначально как элемент внешней среды, со временем превратилась во внутренний элемент арабской культуры, вошла в само арабское наследие. Обличая тезис Г. Беккера о «привязанности истории арабо-исламской культуры к истории европейской культуры», Тизини считает его более опасным, чем упомянутый тезис Шпенглера. Концепция Беккера изображает арабо-мусульманскую культуру придатком европейской¹⁵.

Х. Мрувве, рассматривая еще одно положение теории Беккера — о вкладе каждой нации в развитие гуманизма, пишет, что, по Беккеру, гуманизм отсутствует

⁶ Мрувве Х. Указ. соч. С. 12.

⁷ Мрувве Х. Материалистические тенденции в арабо-мусульманской философии. С. 10.

⁸ هلساغ. العالم مادة و حركة — بيروت: دار الكلمة للنشر، ١٩٨٠، ص ٩٢ (Хальса Г. Мир как материя и движение. Бейрут: Дар аль-Калима ли-н-нашр, 1980. С. 92).

⁹ سلّوم ت. الاستشراق و عصر نه الشرق التقليدي. الطريق، ١٩٨٣. ص ١١٦ (Саллум Т. Востоковедение и модернизация «традиционного» Востока//Ат-Тарик. Бейрут, 1983. № 1. С. 116).

¹⁰ Там же. С. 122.

¹¹ Тизини Т. От наследия к революции. С. 198.

¹² Там же. С. 200.

¹³ Там же. С. 204.

¹⁴ Там же. С. 208.

¹⁵ Там же. С. 210.

на Востоке. Ливанский марксист подчеркивает, что такая трактовка является ложной и антиисторичной¹⁶.

Х. Мрувве отмечает, что европоцентризм «является идейным и политическим оправданием империалистического господства в Азии и Африке»¹⁷. По его словам, в настоящее время, чтобы «не оставлять Америку в стороне, выдвинули концепцию «западоцентризма» в философии, свойственной Европе и США»¹⁸, а «реакцией на эту концепцию был «востокоцентризм» (или «афро-азицентризм») как одна из форм философского национализма»¹⁹. Здесь Х. Мрувве замечает, что концепция «афро-азицентризма» ныне, в условиях национально-освободительного и рабочего движения в капиталистических странах, абсолютно не способствует сплочению мирового революционного процесса. Ошибка, лежащая в основе этой концепции, препятствует изучению взаимосвязи между национальной философией и всемирной философией»²⁰.

Западные востоковеды (Н. Баммата, Ж. Дюамель, Л. Массиньон, Х. А. Д. Гибб и др.) объявляют спецификой арабо-мусульманской философии «атомарность» мышления, «неспособность» к синтезирующей деятельности. В этом смысле наиболее репрезентативным учением мусульманского Востока они объявляют калам. Европоцентристские исследователи пытаются представить атомистические воззрения мутакаллимов как выражение «духа» арабо-мусульманской культуры, который, по их мнению, заключается в том, что носители этой культуры — арабы и другие народы Ближнего и Среднего Востока — якобы обладают «атомарным», «дискретным» мышлением, не способным к интегрирующей деятельности.

Исследуя проблемы атомистики в философии мусульманского средневековья, Т. Саллум показал несостоятельность подобных трактовок. Он доказывает, что атомы мутакаллимов совершенно отличны от атомов Демокрита и Эпикура. И как могли атомисты калама, спрашивает Т. Саллум, заимствовать онтологические принципы одного из наиболее материалистических и атеистических учений античности и на их базе строить «религиозно-фаталистическую систему?»²¹

Таким образом, научно-исследовательская и научно-критическая деятельность арабских марксистов направлена на глубокое, объективное изучение философского наследия народов Ближнего и Среднего Востока как исторического процесса, развивавшегося через борьбу идей и движений, отражавших интересы различных классов, с упором на те его аспекты и элементы, в которых сегодняшний арабский читатель мог бы увидеть зачатки научной идеологии, за торжество которой и борются арабские ученые-марксисты.

Г. С. Караматов

¹⁶ Мрувве Х. Материалистические тенденции в арабо-мусульманской философии. С. 116.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 125.

²¹ سلوم ت. ابن ميمون و علم الكلام الاسلامي — الطريق، ١٩٨٥، العدد ٢، ص ١٥٨—١٧٤ (Саллум Т. Маймонид и мусульманский калам//Ат-Тарик. 1985. № 2. С. 158—174).

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ УРА-ТЮБЕ XVII—XIX ВЕКОВ

За годы Советской власти появилось немало сборников документов и трудов по разным аспектам истории Средней Азии, в том числе по истории Ура-Тюбе¹. Однако многие моменты из исторического прошлого региона не получали еще должного документально обоснованного освещения.

В этой связи наше внимание привлек, в частности, хранящийся в ЦГА УзССР сборник документов², который мы впервые пытаемся ввести в научный обиход как ценный источник для изучения истории аграрных отношений в крае.

Сборник включает в себя 177 ярлыков, ферманов и купчих, касающихся г. Ура-Тюбе и примерно ста подведомственных ему кишлаков. Они были выданы правителями Коканда и Бухары, вассалом которых попеременно становился Ура-Тюбе, а в годы его самостоятельности — непосредственно ура-тюбинскими правителями.

Самый ранний документ датируется 1020/1611—1612 гг.³, самый поздний — 1287/1870—1871 гг.⁴

Документы сборника являются копиями, снятыми непосредственно с оригинала и утвержденными официальными лицами. Их оригиналы скреплялись печатями официальных лиц, а некоторые из них — самим ханом или эмиром.

¹ См., напр.: Мухтаров А. М. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964; Его же. Материалы по истории Ура-Тюбе. М., 1963.

² Сборник документов//ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 14, д. 26.

³ Там же. Док. № 50.

⁴ Там же. Док. № 59.

В основном они написаны на персидско-таджикском языке, почерком настальлик, почти на одинаковой местной белой бумаге.

Ни в одном документе не указана дата переписки, но ясно видно, что они скопированы после присоединения Ура-Тюбе к России. Мы полагаем, что они были переписаны для представления комиссии, созданной в целях решения водно-земельных вопросов, о чем свидетельствует «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г.⁵

Документы сборника по смыслу и характеру делятся на три категории:

- 1) посвященные земельно-водной собственности, точнее характеризующейся категорией «мулки хурри халис»;
- 2) касающиеся вакуфной собственности;
- 3) документы о продаже различных категорий земель и водных ресурсов.

К категории «мулки хурри халис» относилась, в частности, как освобожденная от налогов и повинностей мулковая вода, передаваемая по наследству, так и купленная и обмененная мулковая вода («зархарид»). Сюда же относилась и пожалованная, и подаренная вода.

Ряд документов водаются владения отдельными лицами водой вместе с землей в качестве «мулки хурри халис».

Некоторые документы затрагивают вакуфные земли и воды. В них в основном указывается, где и по какой причине вода и земля пожертвованы в вакф, с указанием правил и условий вакфа; освещаются и другие стороны вакуфного хозяйства.

Вакуфные документы ярко свидетельствуют о том, что духовенству принадлежали все преимущества при пользовании в этом маловодном районе водой и землей, служившими средством неограниченной эксплуатации трудового народа⁶.

Документы третьей категории делятся на две группы:

- а) документы о продаже только воды,
- б) документы о продаже воды с землей.

В большинстве случаев вода продавалась вместе с прилегающими землями (об этом же свидетельствуют и нарративные источники).

Однако известны факты и продажи только воды в районах, где, как и в Ура-Тюбинском вилайете, в ней ощущался острый недостаток. Район Ура-Тюбе весьма беден водными источниками, а географическое положение и рельеф его не способствуют развитию искусственного орошения. В рассматриваемое время в Ура-Тюбинском вилайете в основном использовались воды родников и горных источников. И местные феодалы, должностные и духовные лица в первую очередь завладели водными источниками⁷.

Захват источников и продажа воды по высокой цене стали обычным делом, что подтверждается нашими документами.

Ценность этих документов состоит в том, что в них приводятся единицы измерения определенного количества воды и очередность использования воды для полива посевов, что немаловажно для изучения водной проблемы в Средней Азии, в частности в Ура-Тюбинском вилайете XVII—XIX вв.

В Ура-Тюбинском вилайете основной единицей водоизмерения обычно была як об (одна мера воды) и ее доли: се чорак об (три четверти воды), ду чорак об (две четверти воды), ним об (половина меры воды), чорак об (четверть меры воды), ним чорак об (пол-четверти воды), а также более крупные единицы: ду об (две меры воды), се об (три меры воды), чахор об (четыре меры воды), як хауз об (один хауз воды) и т. д.

В этой связи надо сказать, что вопросы водоизмерения в различных районах Средней Азии дореволюционного периода еще слабо исследованы.

Ниже в качестве примеров приведены отрывки из некоторых документов.

Документ, посвященный водным источникам категории «мулки хурри халис»

Из высокопоставленных сеййидов «...Эшанходжа Мирзабаши в кишлаке Нукранды имел полторы меры, в Сарае три четверти наследственной воды (мулки хурри халиси маврусий). Неопровержимым доказательством сего является представленная им законная купчая. Ввиду сего... мы повелели вышеупомянутые воды считать наследственными мулки хурри халис этого лица. Должностные лица пусть считают его освобожденным от хараджата, алгата и прочих повинностей. Пусть не требуот ни соломинки, ни зерна...»⁸

Документ, посвященный вакуфным владениям водных источников и земельных угодий

Поскольку «...одна мера воды и часть сада в местечке Джаркуртан муллы Нурмухаммада, сад Эгамбердия, сад муллы Ашур Мухаммада, одна мера воды из Утарчи, три четверти воды из Джуйбуки, четверть воды из Чарбага вместе с прилегающими к вышеупомянутым водам землями являлись вакуфом мечети Ахунон,

⁵ Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1888. № 2814. С. 318—344.

⁶ Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 535.

⁷ Мухтаров А. М. Указ. соч. С. 61, 65, 71.

⁸ Док. № 20.

находящимся в гузаре Гуза базар, то согласно этому, мы повелили амлякдарам, даругам, сборщикам налогов считать упомянутые воды и земли специальным вакуфом вышеуказанной мечети и не причинять беспокойства, а также не требовать ни зерна, ни соломинки...»⁹

Документ о продаже воды

Из богатых землевладельцев «...Назар Мухаммад-бай, сын Мухаммад Раджаб-бая, явившись в суд Ура-Тюбинского вилайета, согласно шарнату, авторитетно заявил, что окончательно продал Эгамбердию, сыну муллы Утабе, полмеры воды мулки хурри халис в принадлежавшем ему местечке Сараби, очередностью пользования водой один раз в шестнадцать дней, вместе со всеми правами за имеющиеся в настоящее время хождение 33 ашрафи...»¹⁰

Как видим, «Сборник документов» представляет большой интерес для исследователей истории аграрных отношений, особенно вопросов водопользования, в до-революционной Средней Азии.

И. Усманов

⁹ Док. № 65.

¹⁰ Док. № 82.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ А. И. ИШАНОВА

Исполнилось 70 лет со дня рождения члена-корреспондента АН УзССР, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, профессора Атабая Ишановича Ишанова.

А. И. Ишанов родился 15 марта 1916 г. в Ташкенте в семье крестьянина-бедняка. По окончании средней школы он в 1932—1936 гг. обучался в Институте советского строительства и права при ЦИК УзССР, а в 1936—1939 гг. — в аспирантуре при Ташкентском юридическом институте.

Научно-педагогическая деятельность А. И. Ишанова начинается с 1936 г. Он был ассистентом, затем доцентом Ташкентского юридического института (1936—1950 гг.), зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета САГУ (1960—1962 гг.), профессором Ташкентской высшей школы МВД СССР (1964—1968 гг.) и юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина (1969—1974 гг.).

Последние 40 лет творческой биографии А. И. Ишанова непосредственно связаны с Академией наук УзССР. Он был зав. отделом истории государства и права Института истории и археологии (1946—1950 гг.), зав. отделом права Института экономики (1950—1953 гг.), а с 1957 г. он — зав. сектором теории и истории государства и права и одновременно руководитель отдела государства и права Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР. В 1953—1954 гг. А. И. Ишанов был зав. отделом науки и культуры Совета Министров УзССР, а в 1958—1961 гг. — зам. директора, затем и о. директора Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.

В 1941 г. А. И. Ишанов защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию «Общественный строй Бухарского эмирата во второй половине XIX в.», а в 1950 г. в Ленинградском юридическом институте — докторскую «Государственный строй Бухарской Народной Советской Республики». В 1951 г. он был утвержден профессором, а в 1960 г. избран членом-корреспондентом АН УзССР.

Сфера научных интересов А. И. Ишанова многогранна. Его труды посвящены истории создания и развития советской национальной государственности в Узбекистане, а также теоретическим проблемам Советского общенародного государства. В целом его перу принадлежит более 200 научных и научно-популярных работ. В их числе — ряд книг по истории Бухарской НСР: «Создание Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.)» (1955), «Победа народной советской революции в Бухаре» (1957), «Бухарская Народная Советская Республика» (1969), монография «Роль Компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа» (1978), ряд работ, посвященных новым Конституциям СССР и УзССР, и др. Под руководством и при непосредственном его участии созданы такие капитальные труды, как трехтомная «История Советского государства и права Узбекистана» (1960—1968), «Советское общенародное государство» (1963), «Ленинское учение о социалистическом государстве и праве» (1970);



он — один из соавторов обобщающих трудов — «История коммунистических организаций Средней Азии» (1967), «История Узбекской ССР» (1967—1968), «История государства и права СССР», т. I и II (1968), «История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик» (1971) и т. д. Под его руководством издан трехтомник избранных трудов выдающегося государственного деятеля УзССР Ф. Ходжаева. А. И. Ишанов — ответственный редактор многих монографий и коллективных трудов.

А. И. Ишанов — опытный наставник молодых ученых. Под его руководством подготовлено и защищено до 60 кандидатских и докторских диссертаций по юридическим и историческим наукам. С 1979 г. он — председатель специализированного Совета по защите докторских диссертаций по юридическим наукам при Институте философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР. Он является также председателем научного Совета АН УзССР по проблеме «Закономерности развития государства, управления и права».

А. И. Ишанов активно участвовал во многих республиканских, региональных, всесоюзных и международных научных форумах. Он — председатель Узбекского отделения Советской ассоциации политических наук.

Член КПСС с 1946 г. А. И. Ишанов активно участвует в общественной жизни. Он был делегатом II Всесоюзной конференции сторонников мира, неоднократно избирался членом пленумов Куйбышевского и Октябрьского райкомов партии г. Ташкента, депутатом Ташкентского городского Совета. В 1950—1960 гг. А. И. Ишанов был членом редакционной комиссии ЦК КПУз по переводу трудов классиков марксизма-ленинизма, в 1948—1963 гг. — членом редколлегии журнала «Коммунист Узбекистана», в 1960—1966 гг. — членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане» и т. д.

Партия и правительство высоко оценили заслуги А. И. Ишанова. Он награжден орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», шестью Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Отмечая 70-летие со дня рождения и 50-летие научно-педагогической деятельности Атабая Ишановича Ишанова, научная общественность желает ему доброго здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов.

*Бюро Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР,
Редколлегия журнала «Общественные науки в Узбекистане».*

ЮБИЛЕИ Б. В. ЛУНИНА

Исполнилось 60-летие научной, преподавательской и общественной деятельности доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР Бориса Владимировича Лунина.

Научно-краеведческая деятельность Б. В. Лунина¹ началась еще со школьной скамьи, в г. Пятигорске, что и определило его интересы в сфере истории и археологии.



По переезде в 1922 г. его родителей в Ростов-на-Дону он и здесь приобщился к работе по изучению исторического прошлого Дона и Северного Кавказа и вплоть до июня 1941 г. вел в Ростове большую и энергичную научно-организационную, исследовательскую и преподавательскую работу, осуществлял полевую археологическую деятельность, сотрудничал в музеях. За это время им было опубликовано свыше 170 книг, брошюр и статей, снискавших ему заслуженную репутацию одного из знатоков и популяризаторов истории этого обширного региона. Связи с Ростовом-на-Дону Б. В. Лунин не прекратил, и поныне время от времени здесь продолжают появляться его научные публикации, среди которых — двухтомник «Очерки истории Подонья—Приазовья», вышедшая двумя изданиями книга «Степан Разин» и др.

С 1941 по 1953 г. Б. В. Лунин находился в рядах Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны (в 1941—1942 гг.). В 1942—1953 гг. — старший преподаватель и начальник социально-экономического цикла в военно-учебных заведениях Туркестанского военного округа. Вел многолетнюю преподавательскую работу в вечернем офицерском Институте марксизма-лектором-пропагандистом Политуправления ТуркВО.

ленинизма, был внештатным

¹ Внук известного революционера-демократа, сотрудника Н. Г. Чернышевского Виктора Игнатьевича Лунина, сын участника революционного движения, делегата III съезда РСДРП Владимира Викторовича Лунина.

С 1953 г. по настоящее время Б. В. Лунин работает в Академии наук Узбекской ССР (ученый секретарь Института истории и археологии, ученый секретарь Отделения общественных наук при Президиуме АН УзССР, старший научный сотрудник, с 1968 г.—заведующий отделом историографии Института истории АН УзССР). По совместительству вел и ведет преподавательскую работу по истории, историографии и источниковедению в высших учебных заведениях (Высшая партийная школа при ЦК КПУз, Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ им. В. И. Ленина). В 1961 г. был избран почетным членом кафедры археологии ТашГУ им. В. И. Ленина.

Его первые публикации по Средней Азии стали появляться с 1943 г. С течением времени усугубились его давние историографические интересы. Среди фундаментальных работ по историографии Узбекистана и Средней Азии в целом — книги «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане», «Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX вв.», «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении», «Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения (жизнь и деятельность Н. И. Веселовского)», «Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда» и др., а также такие публикации, как «Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Советской Средней Азии», «Восточный факультет. Краткий очерк истории востфака ТашГУ», «Из истории становления и развития советского востоковедения в Узбекистане», «Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции», «С. Ф. Ольденбург — как историк востоковедения» и многие другие. Ряд статей посвящен истории изучения жизни и творчества выдающихся ученых и мыслителей средних веков — Абу Райхана Беруни, Ибн Сины, Алишера Навои. Известность и признание получили составленные Б. В. Луниным и изданные в трех книгах библиографические очерки о 300 дореволюционных и советских деятелях общественных наук Узбекистана и частично всей Средней Азии, ставшие настольными пособиями для изучающих историю развития гуманитарных знаний в Средней Азии.

Историографические работы Б. В. Лунина получали высокую оценку видных ученых страны, таких, как академики А. Н. Кононов и М. В. Нечкина, В. А. Крачковская, М. Е. Массон, А. Н. Болдырев, В. Ф. Минорский (Кембридж) и другие.

Двумя изданиями вышла в свет книга «В. И. Ленин и народы Средней Азии», на французском и английском языках издана книга «Ленин и народы Востока». Из других публикаций Б. В. Лунина можно назвать: «История исторической науки в Узбекистане» (в соавторстве), «У истоков великой дружбы», «История Узбекистана в источниках (древний период)» и др.

Приобрели известность и многочисленные библиографические работы Б. В. Лунина. В общей сложности его перу принадлежит свыше 560 научных публикаций. Он — ответственный редактор до 40 научных трудов и сборников коллективных работ.

Б. В. Лунин пользуется также большим авторитетом как глубокоэрудированный и талантливый лектор и пропагандист, заботливый наставник молодых ученых. С 1968 г. и по сей день он — заместитель председателя Ташкентского городского Отделения общества «Знание» Узбекской ССР.

Член КПСС с 1942 г. Б. В. Лунин был в 1944—1945 гг. членом Термезского горкома КПУз, а в 1953—1960 гг. — Ташкентского горкома КПУз.

Б. В. Лунин — участник I Всесоюзной конференции востоковедов, XIII Международного конгресса историков и многих союзных, региональных, республиканских и других научных форумов, в том числе (с 1974 г.) «Бартольдовских чтений» при Институте востоковедения АН СССР. Член Всесоюзной ассоциации ученых-востоковедов.

Заслуги Б. В. Лунина отмечены орденом Дружбы народов, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», 10 другими правительственными наградами, шестью Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

С 1957 г. Б. В. Лунин — член редакционной коллегии, с 1967 г. — заместитель главного редактора журнала «Общественные науки в Узбекистане», с 1960 г. — член редколлегии теоретического и политического журнала ЦК КПУз — «Коммунист Узбекистана».

Научная общественность желает Борису Владимировичу Лунину новых свершений на пути его неутомимого и плодотворного служения науке.

Редакционная коллегия журнала «Общественные науки в Узбекистане».

УТВЕРЖДЕННЫЕ ТЕМЫ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ

Докторские диссертации

1. Бабабеков Х. Н. (ТГПИ им. Низами). Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки.
2. Жалилов С. (АндГПИ). Борьба трудящихся за орошение земель Советского Узбекистана (1917—1940 гг.). (На материалах Ферганской долины).
3. Левтеева Л. Г. (Музей истории народов Узбекистана АН УзССР). Историко-география проблемы присоединения Средней Азии и Казахстана к России.
4. Хуршут Э. У. (ИБ АН УзССР). «Мунтахаб ат-таварих» как исторический, географический и литературный памятник Средней Азии первой половины XIX в.

Кандидатские диссертации

1. Абдувахитов А. А. (ТашГУ им. В. И. Ленина). Деятельность сирийских «братьев-мусульман» и исламский экстремизм.
2. Абдуллаев Р. П. (Чирчикский вечерний факультет ТашПИ им. Беруни). Укрепление сотрудничества трудящихся Узбекистана и Казахстана в борьбе за построение и упрочение социализма (1926 — июнь 1941 г.).
3. Абидов Б. (ИБ АН УзССР). Национально-освободительное движение в Индии и общественно-политические позиции Лала Ладжпат Рая (первая четверть XX в.).
4. Айтбаев А. (ИБ АН УзССР). Основные источники по истории Восточного Туркестана в XIX веке.
5. Алимбекова К. К. (ТИНХ). Интернациональное сотрудничество УзССР с братскими республиками в области культурных связей. 1975—1985 гг.
6. Алимов А. А. (ТашГУ им. В. И. Ленина). Участие молодежи Узбекистана на ударных комсомольских стройках республики. 1971—1980 гг.
7. Ахмедова Д. (Институт истории АН УзССР). Сотрудничество Узбекистана с братскими республиками в развитии хлопководства (1975—1985 гг.).
8. Гиясов Б. Т. (ТашГУ им. В. И. Ленина). Советско-ливийские экономические и политические отношения (1970—1980 гг.).
9. Дадабаев А. (ИБ АН УзССР). «Тарих ал-хукама» Ибн ал-Кифти как источник по истории культуры стран Востока (XII—XIII вв.).
10. Жамалов Ж. С. (Наманганский филиал ТИТЛП). Борьба трудящихся Узбекистана за интенсификацию животноводства в годы одиннадцатой пятилетки.
11. Жанбасбаева Ж. (ИБ АН УзССР). Персоязычные источники по истории и историко-культурным взаимоотношениям Казахстана со Средней Азией и Восточным Туркестаном во второй половине XVIII — первой половине XIX в.
12. Закиров Ш. (ИБ АН УзССР). Арабоязычные источники этнической истории тюркских народов Средней Азии (IX — начало XIII в.).
13. Ибрагимов Р. (СамГУ). Интернациональное воспитание трудящихся Узбекской ССР (1976—1980 гг.).
14. Исламов У. У. (ТИИМСХ). Подготовка кадров для сельского хозяйства в годы предвоенных пятилеток (1925—1941 гг.).
15. Кадыров Э. (Школа № 7 г. Ферганы). Кустарные промыслы Ферганской долины (вторая половина XIX — начало XX в.).
16. Максимов Т. (ЦНИОН). «Исламский фактор» в оживлении современной французской буржуазной историографии.
17. Мирзалиева М. С. (ЦГА УзССР). Кустарные промыслы Хивинского ханства во второй половине XIX — начале XX в.
18. Мукумова И. (Школа № 65 г. Ташкента). Братское сотрудничество Узбекской ССР и РСФСР в развитии народного образования и культуры (1961—1980 гг.).
19. Мусаев Ш. (ИБ АН УзССР). «Лата'иф ал-ахбар» Рашид-хана Туни — важный источник по истории средневекового Афганистана.
20. Намазов С. М. (ТГПИ им. Низами). Восстание 1916 года в Узбекистане (На материалах Самаркандской области).

21. Насыров Р. (ТГПИ им. Низами). Вклад труженников совхозов Узбекистана во внедрение научно-технического прогресса в сельскохозяйственное производство (1976—1985 гг.).
22. Рахимкулов О. (СамСХИ). Роль местных Советов Узбекистана в поднятии культуры и благосостояния труженников села в 1960—1970 гг.
23. Рахманов Ю. (Наманганский ГПИ). Социально-экономическая и культурная жизнь г. Намангана во второй половине XIX — начале XX в.
24. Рашидов У. (Бухарский ГПИ). Деятельность Советов Узбекистана (1917—1985 гг.). (Историография проблемы).
25. Розметов У. Р. (Термезский ГПИ). Вклад рабочего класса Узбекистана в создание материально-технической базы социализма (1933—1941 гг.).
26. Садыков Ю. А. (ИВ АН УзССР). Труды Мухамеда Шарифа ал-Бухари как источник по изучению истории общественной мысли Средней Азии XVII века.
27. Саидахмедов И. (ИВ АН УзССР). «Раузат ар-ризван» и его значение в изучении социально-политической жизни Средней Азии XVI века.
28. Сайдамов Б. Қ. (ТАДИ). Свадебные обряды узбеков сельского населения Среднего Зарафшана в конце XIX — 80-х годах XX в.
29. Слонов Р. А. (Ферганский политехнический институт). Участие молодежи Узбекистана в борьбе за выполнение планов восьмой и девятой пятилеток в промышленности.
30. Талапов Б. А. (ТашГУ им. В. И. Ленина). Молодежь Узбекистана — активный участник ускорения научно-технического прогресса в промышленности республики (1976—1985).
31. Туляганова Н. У. (ТашГУ им. В. И. Ленина). Становление и развитие движения породненных городов Узбекистана (1961—1975 гг.).
32. Тураев Х. (ИВ АН УзССР). Документы архива кушбеги эмира бухарского как источник для изучения феодального института танхо в Западной Бухаре во второй половине XIX — начале XX в.
33. Умаралиев У. (Школа № 31 Ферганского района Ферганской области). Социально-экономическая и культурная жизнь города Маргилана (вторая половина XIX — начало XX в.).
34. Урдашев Д. (ТашГУ им. В. И. Ленина). Деятельность местных Советов УзССР в области социально-экономического строительства в 1946—1958 гг.
35. Чороев Т. К. (ИВ АН УзССР). Основные арабоязычные источники по этнической истории тюркских народов Восточного Туркестана и Монголии середины IX — начала XIII в.
36. Эргашева Ю. А. (Каршинский филиал ТИИИМСХ). Народное образование в Узбекской ССР в период завершения строительства социализма (конец 30—50-е годы).
37. Юлдашев Б. Э. (ТашИИТ). Вклад железнодорожников Ташкентской магистрали в развитие народного хозяйства Узбекистана в период построения социализма (1933 — июнь 1941 г.).
38. Юлдашев Х. (ТашГУ им. В. И. Ленина). Ирак и зона Персидского залива (1979—1985 гг.).

*Утверждено Республиканским Советом
координации научных исследований в области
исторических наук.*

МУНДАРИЖА

КПСС XXVII съезди қарорлари — ҳаётга!

Х. Р. Раҳмонқулов. Совет жамиятини социал-иқтисодий жиҳатдан ривожлантиришни жадаллаштириш шароитида ҳуқуқ функциялари ҳақида	3
А. А. Ахтамов, Ф. С. Солиева. Совет халқи маънавий ҳаётини интернационаллаштиришда меҳнат коллективларининг роли	9
Р. М. Абдуллаев. Халқаро аренада социалистик ҳамдўстлик мамлакатларининг Афғонистон Демократик Республикаси билан ҳамкорлиги	14
Х. Абдуллаев. Тарихий-фалсафий ғояларнинг социал жиҳатдан боғлиқлиги масаласига доир	18

Илмий ахборот

Т. А. Эгамбердиева. 70-йилларда Ўзбекистон қишлоқларида маданий-маърифий ишларнинг ривожланиши	23
Ж. Ҳ. Исмоилова. XIX асрнинг охири — XX асрнинг бошларида Тошкентда саноатнинг ривожланиши ва ишчилар синфининг вужудга келиши	25
Ш. Исмоилов. Революцияга қадар Ўзбекистонда маҳаллий мактабларда рус тилининг ўқитилиши тарихига доир	28
А. А. Ёўлдошев. Жаваҳарлал Неру ўрта аср Ўрта Осиё мутафаккирлари ва маданияти ҳақида	30

Фан янгилликлари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

Ш. А. Раҳмонов, Т. Д. Аннаев. Жанубий Ўзбекистондаги илк ўрта асрлардаги қалъа истеҳкомлари	31
Э. Ртвеладзе, А. Мусакаева. Ғарбий Суғдда пул муомаласи тарихига доир (Бухорода топилган Евтидем тетрадрахмаларига тақлидий ҳазиналар)	35

Тарихшунослик

Д. А. Алимова. Ўрта Осиё республикаларида аёлларни атеистик руҳда тарбиялашга доир (60—80-йиллар)	38
Ғ. С. Кароматов. Араб олимлари томонидан Яқин ва Ўрта Шарқ халқлари фалсафий меросининг буржуача талқин этилишининг танқиди	43

Архив саҳифаларида

И. Усмонов. XVII—XIX асрлар Уратепа тарихига оид янги ҳужжатлар	45
---	----

Юбилейларимиз

О. Э. Эшонов туғилган кунининг 70 йиллиги	47
Б. В. Лунин юбилеи	48
Тарихий фанлар бўйича докторлик ва кандидатлик диссертацияларининг тасдиқланган темалари	50

СОДЕРЖАНИЕ

Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь!

Х. Р. Рахманкулов. О функциях права в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества	3
А. А. Ахтамов, Ф. С. Солиева. Роль трудовых коллективов в интернационализации духовной жизни советских людей	9
Р. М. Абдуллаев. Сотрудничество стран социалистического содружества с Демократической Республикой Афганистан на международной арене	14
Х. Абдуллаев. К проблеме социальной обусловленности историко-философских идей	18

Научные сообщения

Т. А. Эгамбердиева. Развитие культурно-просветительной работы в селах Узбекистана в 70-е годы	23
Ж. Х. Исмаилова. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Ташкенте в конце XIX — начале XX века	25
Ш. Исмаилов. Из истории преподавания русского языка в местных школах дореволюционного Узбекистана	28
А. А. Юлдашев. Джавахарлал Неру о культуре и ученых средневековой Средней Азии	30

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Ш. А. Рахманов, Т. Д. Аннаев. Фортификация раннесредневековых замков Южного Узбекистана	31
Э. Ртвеладзе, А. Мусакаева. К истории денежного обращения в Западном Согде (Клад подражаний тетрадрахмам Евтидема из Бухары)	35

Историография

Д. А. Алимова. К историографии атеистического воспитания женщин в республиках Средней Азии (60—80-е годы)	38
Г. С. Караматов. Критика арабскими учеными буржуазных концепций о философском наследии народов Ближнего и Среднего Востока	43

По страницам архивов

И. Усманов. Новые документы по истории Ура-Тюбе XVII—XIX веков	45
--	----

Наши юбиляры

К 70-летию А. И. Ишанова	47
Юбилей Б. В. Лунина	48
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам	50

НАШИ АВТОРЫ

- Ахтамов А. А.**— доктор философских наук, зав. кафедрой научного коммунизма СамМИ им. И. П. Павлова.
- Рахманкулов Х. Р.**— доктор юридических наук, зав. сектором гражданского и хозяйственного права Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Алимова Д. А.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Аннаев Т. Д.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Исмаилов Ш.**— кандидат исторических наук, ст. преподаватель Центрального института усовершенствования и переподготовки учителей Министерства просвещения УзССР.
- Ртвеладзе Э.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Мусакаева А.**— мл. научный сотрудник Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР.
- Рахманов Ш. А.**— мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Усманов И.**— мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Юлдашев А. А.**— мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Солиева Ф. С.**— преподаватель кафедры научного коммунизма СамМИ им. И. П. Павлова.
- Эгамбердиева Т. А.**— соискатель ФерГПИ.
- Абдуллаев Р. М.**— аспирант ФерГПИ.
- Абдуллаев Х.**— аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Исмаилова Ж. Х.**— ст. лаборант Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Караматов Г. С.**— аспирант Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.

ПАМЯТКА АВТОРУ

При подготовке рукописей просим придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала, на одной стороне листа стандартного размера.

Плотность текста — 28 строк по 60 знаков в каждой. Подклейки, исправления от руки не допускаются.

2. Размеры полей машинописных страниц: снизу и слева — 2,5 см, справа — 1 см, сверху — 2 см.

3. Графика машинописных знаков (русского и иностранного) должна быть отчетливой, ровной и полной.

4. Иллюстрации следует давать в двух экземплярах, в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге, рисунки — выполненные тушью). На оборотной стороне каждого рисунка должны быть указаны фамилия автора, название работы и номер рисунка. Номера рисунков, как и таблиц, следует выносить на поля рукописи (при первом упоминании).

5. Сноски печатаются через два интервала и помещаются внизу страницы. Нумерация сносок должна быть сквозной.

6. Последовательность цитирования монографий: автор, название работы, место издания, год издания, страница.

Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи, название журнала, год, номер, страница.

7. Оформление сносок. Инициалы авторов (в том числе классиков марксизма-ленинизма) ставятся после фамилии (как в библиографии), перед местом издания — точка; страницу обозначать буквой «С»; название работ без автора в кавычки не заключать.

Многотомные издания, помимо названия, места, года издания, страницы, должны обязательно включать количество томов, номер тома, на который идет ссылка, и его название.

Названия журналов и продолжающихся изданий (ежегодники, труды, записки и др.) не заключать в кавычки; место издания не указывать (исключение составляют некоторые старые издания).

8. К статье прилагается резюме на рус. и узб. яз. (объем — до 10 строк).

9. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Точность цитирования произведений классиков марксизма-ленинизма должна быть заверена подписью автора. Следует указать также дату отправления и полный почтовый адрес автора.

10. Объем не должен превышать:

а) для статей — 12 стр. машинописи,

б) для научных сообщений и рецензий — 6—7 стр.,

в) для хроникальных и других заметок — 2—3 стр.

Присланные статьи рецензируются и выносятся на рассмотрение редакционной коллегии журнала.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журнал

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ»

на второе полугодие 1986 г.

Подписка принимается всеми отделениями «Союзпечати» и связи, а также общественными распространителями печати.

Подписная цена на 6 месяцев — 3 р. 90 к.

ПОПРАВКИ

В № 4 журнала, с. 6, 27 строка сверху, следует читать:

...изучение общественного мнения...

В № 5, с. 40, сноски 19, следует читать:

Раевский Д. С....

Цена 65 к.

Индекс
75349